This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HX
915
B29A5

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII

EX LIBRIS

V. M. Anderson,

ВОРЦЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ.

M. A. Bakunin

М. А. БАКУНИНЪ.

Je ne propose rien, je ne suppose rien, j'éxpose.

В. М. Андерсонъ.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

М. А. БАКУНИНЪ. Критическ. очеркъ политич. дѣятельности, съ портретомъ. ц. 20 к.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГІИ. Этюды о выдающихся писателяхъ нашего времени. Сочин. П. Бурже, пер. Э. К. Ватсона. Спб., 2-е изд. 1902 г., ц. 1 р. 25 к.

ХАРАКТЕРЫ ИЛИ НРАВЫ ЭТОГО ВѢКА. Сочиненіе Жана Лабрюйера. Съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сенъ-Бева. Переводъ съ французскаго. Спб., 1890 года. ц. 1 р. 50 к., 317 стр., большого формата.

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНСКАЯ ПСИХОЛОГІЯ. Опытная школа. Соч. профессора Т. Рибо. Переводъ съ франц. Спб. 1896 г. ц. 1 р.

СОЦІАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ. Личное творчество среди законовъ природы и общества. Соч. Габріэля Тарда, перев. Л. Оболенскаго. Спб. 1906 г., 2 изданіе, ц. 40 к.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ съ древнѣйшаго до настоящаго времени, въ популярномъ изложеніи. Соч. Фр. Кирхнера. Переводъ съ нѣмецкаго В. Вольфсона, съ дополнительною статьею „Исторія русской философіи" В. В. Чуйко. Спб. 1896 г., 393 стр., ц. 1 р. 20 к.

О ВОСПИТАНІИ УМСТВЕННОМЪ И НРАВСТВЕННОМЪ. В. Г. Бѣлинскаго. Состав. А. Н. Сальниковъ. Спб. 1898 г. 158 стр. ц. 50 к.

ГЕРОИЗМЪ. Соч. Армана Рено. Примѣры героизма и нравственной энергіи изъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Съ 25 рисунками. Перевелъ съ французскаго и пополнилъ примѣрами русскаго героизма В. Д. Владиміровъ. Спб., ц. 1 р.

ОПЫТЪ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГІИ. Популярное пособіе при изученіи психологіи. Соч. Шарля Рише, профессора медицинскаго факультета въ Парижѣ. Пер. Н. Федоровой. Спб. ц. 80 к.

ОСНОВЫ ОБЩЕДОСТУПНОЙ ПСИХОЛОГІИ и ея примѣненіе къ воспитанію. Джемсъ Сэлли. Переводъ съ англійскаго М. Ш., подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Спб., ц. 1 р. 35 к.

РАДОСТИ ЖИЗНИ. Соч. Д. Леббока. Пер. съ 14-го англійскаго изд. М. И. Ловцовой съ предисловіемъ А. Михайлова. Спб. 3-е изд. ц. 50 к.

ИДЕАЛЫ ЖИЗНИ. Умѣнье жить разумно и съ пользою, соч. сэра Дж. Леббока. Перев. съ англійскаго М. Ловцовой. Спб. 1902 г. 302 стр. 2-е изд., ц. 75 к.

ЧТЕНІЯ ОБЪ ИСКУССТВѢ. Сочиненіе знаменитаго ученаго И. Тэна, переводъ А. Н. Чуденова. 4-ое исправленное изданіе, 414 стр. Спб., ц. 1 р. 50 к.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ. Соч. Фр. Гельвальда, при участіи профессоровъ: Ганза, Бюхнера, Ленормана, Хорна, Гольма, Гешне, Гейнемъ, Л. Гейгера, Филиппсона и др. Первобытная культура и древнія восточныя цивилизаціи. Съ рисунками, перев. подъ редакціею д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898 г. Томъ I-й, ц. 1 р. 50 к.—Томъ II-й Античная культура, ц. 1 р. 50 к.—Томъ III-й. Новѣйшая культура, ц. 1 р. 35 к.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И РЕЛИГІОЗНЫЕ ЭТЮДЫ. Соч. знаменитаго французскаго философа Эрнеста Ренана. Подъ редакціею В. В. Чуйко. Изд. 3-е. Спб., ц. 1 р.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА и половой подборъ, соч. Ч. Дарвина. Переводъ Д-ра М. Филиппова, съ многочисленными рисунками. Спб., ц. 1 р. 65 к.

М. А. Бакунинъ.

М. А. БАКУНИНЪ.

Je ne propose rien, je ne sup-
pose rien, j'éxpose.

Составилъ В. М. Андерсонъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906

MILIBHOV LIBRARY

7.

Книгопечатня „Трудъ и Польза“. Садовая 32—1.

UNIV. OF CALIFORNIA
HX915
B29A5

Предисловіе.

До недавнихъ еще дней имя Михаила Бакунина считалось внушающимъ самыя опасныя мысли, почему типографскимъ станкамъ по сію сторону рубежа усиленно рекомендовалось не тревожить прахъ „апостола анархіи"...

Но—tempora mutantur, какъ и все на землѣ. Русская публика дождалась таки сквозь зубы процѣженнаго признанія своей умственной зрѣлости, и наступила пора, когда, по вѣщему пророчеству одного изъ нашихъ покойныхъ мыслителей,—многое тайное становится явнымъ.

Почему бы намъ и не познакомиться ближе съ причудливой физіономіей «свирѣпой личности», помѣщенной французомъ Лавелэ въ нижній кругъ Дантова Ада, въ компаніи съ злѣйшими преступниками человѣчества. Впрочемъ, почтенный историкъ соціализма изрядно хватилъ черезъ край въ своемъ суровомъ приговорѣ надъ горячимъ ненавистникомъ всякихъ аккуратно вычерченныхъ и размѣренныхъ схемъ жизненнаго распорядка.

Подавляемый множествомъ статей французскихъ, нѣмецкикъ, австрійскихъ, англійскихъ, и нашихъ законовъ съ которыми никогда не ладилъ Бакунинъ, упрямо доказывавшій ихъ полную непригодность, я строю свою несложную и незатѣйливую защиту отставного поручика россійской службы слѣдующимъ образомъ:

Недавно въ газетахъ сообщалось объ одномъ курьезномъ фактѣ, случившемся за границею. Нѣкій нашъ соотечественникъ, войдя въ соприкосновеніе по какому то поводу съ тамошнею администраціею, вздумалъ пустить въ ходъ «бакшишъ», столь уважаемый въ иныхъ странахъ. Но, къ величайшему его изумленію, «чинъ» узрѣлъ оскорбленіе; и, не долго думая, притянулъ обидчика къ суду. Дѣло могло кончиться очень плохо для обвиняемаго, еслибы, къ

M304504

счастію, судья не оказался на высотѣ своего положенія, премудро рѣшивъ, что подсудимый въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ національныхъ обычаевъ, а потому отъ наказанія освобождается. И Бакунинъ подлежитъ снисхожденію на такомъ же точно основаніи.

Искусственно прививавшійся имъ космополитизмъ никогда не могъ затереть въ немъ чисто русскихъ замашекъ. А относительно нѣкоторыхъ психо-патологическихъ особенностей русской натуры благоволите прочесть у Ѳедора Михайловича Достоевскаго такія строки:

«Русскіе какъ доберутся до берега, какъ увѣруютъ, что это берегъ, то уже такъ обрадуются ему, что немедленно доходятъ до послѣднихъ столбовъ. И не насъ однихъ, а всю Европу дивитъ въ такихъ случаяхъ русская страстность наша; у насъ коли въ католичество перейдетъ, то уже непремѣнно іезуитомъ станетъ, да еще изъ самыхъ подземныхъ, коль атеистомъ станетъ, то непремѣнно будетъ требовать искорененія вѣры въ Бога насиліемъ. Отчего это разомъ такое изступленіе? Оттого, что онъ отечество нашелъ, которое здѣсь просмотрѣлъ и обрадовался; берегъ, землю нашелъ и бросился ее цѣловать! Не изъ одного вѣдь тщеславія происходятъ русскіе атеисты и русскіе іезуиты, а изъ боли духовной, при жаждѣ духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по крѣпкому берегу. Атеистомъ же такъ легко сдѣлаться русскому человѣку, легче, чѣмъ всѣмъ остальнымъ во всемъ мірѣ. И наши не просто становятся атеистами, а непремѣнно увѣруютъ въ атеизмъ, какъ бы въ новую вѣру, никакъ и не замѣчая, что увѣровалъ въ нуль... Вѣдь подумать только, что у насъ образованнѣйшіе люди въ хлыстовщину пускались! Вотъ до чего тоска доходила».

Приведенную мною высоко авторитетную экспертизу изъ области коллективной психологіи я и попросилъ бы считать вину смягчающимъ обстоятельтвомъ при оцѣнкѣ «неосторожныхъ дѣйствій» Михаила Александровича Бакунина.

„Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust".

«Въ одномъ изъ уѣздовъ Тверской губерніи есть уголокъ, на которомъ природа сосредоточила всю заботливую любовь свою, украсивъ его всѣми лучшими дарами своими, какіе могла только собрать въ странѣ семи-мѣсячныхъ снѣговъ... Да и семейство, жившее въ этомъ уголкѣ, какъ то особенно награждено душевными дарами. Зато, какъ тепло въ немъ сердцу, какъ умъ и талантъ въ немъ разыгрывались, какъ было въ немъ привольно всему доброму и благородному. Художникъ, музыкантъ, писатель, учитель, студентъ или просто добрый и честный человѣкъ, были въ немъ обласканы равно, несмотря на состояніе и рожденіе. Казалось мнѣ, бѣдности то и отдавали въ немъ первое мѣсто... Что любилъ глава дома, то любила его жена, умная и пріятная женщина, любили дѣти, сыновья и дочери. Никогда семейство не жило гармоничнѣе» *).

Среди такой то идиллической обстановки, немало располагающей къ укрѣпленію духовныхъ силъ, и протекло безъ всякихъ треволненій дѣтство «апостола анархіи», родившагося въ достопамятномъ 1814 году. Раздражительность подраставшаго Михаила, его крайняя обидчивость, самолюбіе, наклонность къ фантазированію, подчасъ принимавшему широкіе размѣры,— словомъ, всѣ неуравновѣшенности мальчика, о которыхъ разсказываютъ лица, знавшія Бакунина въ ранніе годы его жизни, въ сущности не представляютъ ничего особеннаго, являясь обычною психологическою принадлежностью зачаточнаго періода развитія индивидуальности,—процесса, хорошо знакомаго намъ по мастерскому изображенію въ автобіографіи Л. Толстого.

Двадцатилѣтнимъ юношею Бакунина, въ силу старыхъ дворянскихъ традицій, отвезли въ Петербургъ, и опредѣлили въ артиллерійское училище. О пребываніи его тамъ ничего не из-

*) Слова Лажечникова. См. А. Н. Пыпинъ „Бѣлинскій". Т. I. стр. 129.

вѣстно, кромѣ того, что учился онъ очень хорошо. Но несмотря на это, Бакунинъ вышелъ не въ гвардію, на которую имѣлъ права какъ по родовитости, такъ и по средствамъ, а въ армію. Объясняютъ это и немилостью училищнаго начальства, недолюбливавшаго подчасъ невоздержаннаго на языкъ юнкера, и размолвкою Бакунина съ отцомъ, слѣдствіемъ чего и былъ отказъ со стороны послѣдняго субсидировать гвардейца сына.

Заброшенный въ глухую деревушку, гдѣ квартировала его часть, Бакунинъ, видимо, принялся горячо за изученіе артиллерійскаго дѣла, о чемъ можно судить по лестному отзыву впослѣдствіи Императора Николая о его военныхъ познаніяхъ. Рвеніе оказалось, впрочемъ, неумѣстнымъ, неоцѣненнымъ ближайшимъ начальствомъ, главнымъ образомъ напиравшимъ на блескъ фронтовой работы, а послѣдняя, по своей безцѣльности, совершенно не интересовала Бакунина, скоро совсѣмъ махнувшаго рукою на свою карьеру. Онъ весь замкнулся въ себя, то дни и ночи просиживалъ за чтеніемъ, самымъ безсистемнымъ, благо хорошо зналъ иностранные языки, то, напротивъ, впадалъ въ острую хандру, валяясь на постели, закутанный въ овчинный тулупъ. Сослуживцы, — грубоватый, невоспитанный, а потому и неинтересный для Бакунина народъ, — косились на „гордаго“ барича, чуждавшагося ихъ общества, командиръ былъ недоволенъ халатнымъ отношеніемъ молодого офицера къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, и наконецъ послѣдовалъ оффиціальный выговоръ. Его то словно и ждалъ Бакунинъ, моментально подавшій въ отставку, чѣмъ и окончилось его непродолжительное пребываніе въ рядахъ русской арміи.

Теперь Бакунинъ живетъ въ отцовскомъ имѣніи. Служить по гражданскому вѣдомству, ex-артиллеристъ тоже не чувствовалъ охоты. Все чаще и чаще наѣзжая въ Москву Бакунинъ вошелъ наконецъ въ тамошнее интеллигентное общество, живо затянувшее его въ свою среду.

Мыслящая молодежь, питомцы московскаго университета, среди которыхъ немало насчитывалось громкихъ впослѣдствіи именъ, группировалась въ два кружка, связанные общностью идеалистической подкладки, но различные по конечнымъ цѣлямъ своихъ задачъ.

Кружокъ Герцена, окончившаго курсъ въ 1833 г., — тяготѣлъ, такъ сказать, больше къ землѣ, къ реальности, съ головой уйдя въ изученіе западно-европейскихъ соціальныхъ си-

стемъ, главнымъ образомъ проповѣдуя модный тогда сенъ-симонизмъ, въ которомъ иные не прочь были усматривать обѣтованную землю для созданія храма счастія.

Въ прямой оппозиціи «политикамъ» стояла часть интеллигенціи, во главѣ съ Н. Станкевичемъ занимавшаяся разработкою сложныхъ метафизическихъ проблемъ въ связи съ самоусовершенствованіемъ личности. „На концѣ всего воззрѣнія стояли нравственныя обязанности, и одна изъ необходимыхъ обязанностей,—высвобождать въ себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго, для того, чтобы имѣть право на блаженство дѣйствительнаго, разумнаго существованія».

Между кружками Герцена и Станкевича взаимной симпатіи никогда не было, уже въ силу непониманія другъ друга.

Члены кружковъ всецѣло подчинялись огромнымъ нравственнымъ авторитетамъ обоихъ вождей. Огненный талантъ Герцена, его боевая способность, глубокое проникновеніе въ неправды жизни, постоянная готовность разить сильнѣйшаго въ защиту слабѣйшаго, такъ же импонировали окружающимъ, какъ и рѣдкая психическая конструкція Станкевича. Крупной творческой жилки въ послѣднемъ не было, и въ своихъ работахъ онъ никогда не вышелъ изъ рамокъ удобопочитаемости, но несмотря на это именемъ Станкевича чуть не окрещена цѣлая эпоха въ исторіи русскаго просвѣщенія

„Станкевичъ, надежда науки, надежда отечества, предался философіи, и въ два года пріуготовленный, пріобрѣлъ такія познанія, что знаменитые берлинскіе профессора поклонялись его свѣтлой и ясной головѣ, его блистательнымъ способностямъ. Злая чахотка свела его въ могилу“ *).

Могучее, облагораживающее вліяніе Станкевича испыталъ на себѣ между прочими и Виссаріонъ Бѣлинскій, положительно обожавшій Станкевича. «Подумай-ка—писалъ Бѣлинскій къ одному изъ друзей,—что былъ каждый изъ насъ до встрѣчи съ Станкевичемъ». Станкевичъ съ замѣчательною прозорливостью умѣлъ отгадывать таланты, опредѣлять ихъ характеръ, и указывать имъ вѣрный путь.

Станкевичъ, при первой же встрѣчѣ съ Бакунинымъ, ясно понялъ, что отставной поручикъ—головою выше уровня толпы. Онъ то и ввелъ Бакунина въ общество Бѣлинскаго, Каткова,

---

*) Слова М. Погодина. См. „Москвитянинъ“. 1841, кн. 6, стр. 490.

Грановскаго, К. Аксакова, Боткина, тогда еще связанныхъ общностью міровозрѣнія. Бакунинъ быстро занялъ подобающее мѣсто.

«Молодой офицеръ оказался человѣкомъ необычайно логическаго ума, отличавшагося строгою, сжатою діалектикою и съ врожденными способностями къ философскимъ занятіямъ, спосспособностями, которыя помогали ему легко открывать смыслъ въ самыхъ сухихъ отвлеченностяхъ» *).

Когда Станкевичъ уѣхалъ заграницу лечиться, то къ Бакунину перешла и руководящая роль въ кружкѣ. Недавній ученикъ училъ теперь другихъ. Насколько Бакунинъ умѣлъ дѣйствовать своею металлически звонкою рѣчью, построенною на неопреодолимо убѣдительныхъ основахъ, ловко пуская въ ходъ обильный запасъ діалектическихъ богатствъ.—въ чемъ достойнымъ оппонентомъ ему могъ быть одинъ Хомяковъ,—показываетъ такой мелкій, но характерный фактъ.

Однажды послѣ продолжительнаго диспута на тему о необходимости въ жизни несчастія и страданій, какъ закаляющихъ бодрость духа, собесѣдники разошлись спать. Одинъ изъ нихъ помѣщался вмѣстѣ съ Бакунинымъ. Ночью тотъ переполошился, увидѣвъ предъ собою полуголую фигуру, съ свѣчею въ рукахъ. Оказывается, что Бакунинъ до такой степени повліялъ на впечатлительнаго слушателя, что послѣдній предался полному отчаянію, увѣровавъ разомъ въ свое ничтожество. „Учитель!—рыдая, прерывистымъ голосомъ умолялъ „погибшій“ человѣкъ—я пропадаю, ибо не чувствую въ себѣ силы къ страданію“.

Бакунинъ былъ уже видною фигурою.

Диллетантъ философіи, обратившійся въ ревностнаго изслѣдователя, скоро пріобрѣлъ даръ блестящаго изложенія, который сообщалъ ему нѣчто похожее на роль провозвѣстника философскихъ истинъ. Къ нему прибѣгали при всякомъ недоумѣніи, затруднительномъ вопросѣ, случайномъ перерывѣ идей, и пояснительная рѣчь его текла блестящею импровизаціею. Разумѣется тутъ не могло быть какого-либо самобытнаго ученія, да и никто не думалъ о томъ, но онъ обладалъ особеннымъ даромъ, похожимъ на творчество, именно даромъ переработывать все вычитанное и узнанное въ собственную мысль, такъ что онъ самъ казался почти изобрѣтателемъ и родоначальникомъ поясняемаго имъ метода.

---

*) Анненковъ. Біографія Станкевича, стр. 42.

Роль зодчаго, которую человѣкъ этотъ игралъ въ отношеніи каждаго, такъ или иначе накопившаго сырой, необдѣланный матеріалъ, имѣла своего рода неизбѣжныя и тяжелыя условія. Вся жизнь являлась предъ предъ нимъ сквозь призму отвлеченія, и только тогда говорилъ онъ о ней съ поразительнымъ увлеченіемъ, когда она была переведена въ идею. Все случайное, мгновенное, самобытное жизни, было ему гораздо менѣе доступно, хотя усиліями обширнаго, дѣйствительно необыкновеннаго ума, онъ успѣвалъ возводить до понятія убѣгающія поэтическія черты жизни, и такимъ образомъ овладѣвать ими, но при этомъ они уже много теряли, и иногда то самое, что составляетъ ихъ существенную необходимость.

Лѣтомъ 1836 г. Станкевичъ близко свелъ Бакунина съ Бѣлинскимъ, съ обычною страстностью своей пылкой натуры быстро увлекшимся новымъ другомъ. Бѣлинскій, какъ это всегда у него водилось, дошелъ въ своихъ чувствахъ до крайности, всецѣло подчинившись Бакунину; даже впослѣдствіи, когда они совершенно разошлись, Бѣлинскій все же съ полнымъ уваженіемъ отзывался о плодотворности умственнаго вліянія Бакунина, его смѣлаго отрицанія всякой теоріи, коль скоро послѣдняя не выдерживаетъ ударовъ критики.

«Дикая мощь, безпокойное, тревожное и глубокое движеніе духа, безпрестанное стремленіе въ даль, безъ удовлетворенія настоящимъ моментомъ,—даже ненависть и къ настоящему моменту и къ себѣ самому въ настоящемъ моментѣ, порываніе къ общему отъ частныхъ явленій»—вотъ, по словамъ Бѣлинскаго, свойства Бакунина, неотразимо на него вліявшія.

Уже тогда ясно выдѣлялись въ Бакунинѣ властныя черточки, деспотическія наклонности покорять себѣ волю другихъ, направлять ее по своему желанію. Бѣлинскій, особенно чувствовавшій на себѣ эластичный гнетъ Бакунина, благодаря своей неустойчивости, много разъ пытался выскользнуть изъ подъ тяжелой для него опеки, возмущался, громилъ Бакунина, развѣнчивалъ его и... опять, самъ не замѣчая того подпадалъ подъ ферулу.

«Посмотрите на этого Кассія—указывалъ разъ Бѣлинскій въ минуту раздора, - онъ не запомнилъ ни одного мотива, не проронилъ съ роду никакой случайной ноты *). Въ немъ нѣтъ

*) Полную неспособность Бакунина къ эстетическимъ воспріятіямъ подтверждаетъ знавшій его позже извѣстный художникъ Н. Н. Ге (см. В. В. Стасовъ: „Н. Н. Ге“, стр. 168).

внутренней музыки, потребности выразить мягкую женственную часть человѣческой природы. Вотъ какими закоулками добрался онъ до моей души, чтобы тихомолкомъ украсть ее и унести подъ своей полой».

Бакунина до извѣстной степени можно было тогда сопричислить къ лику «декадентовъ», особаго пошиба. Въ разработкѣ тончайшихъ философскихъ дилеммъ, его интересовали не выводы, не конечныя цѣли мышленія, а самый процессъ его, брызганье въ пѣнѣ остраго умственнаго наслажденія, сладкаго и жуткаго, дававшагося мозгу при углубленіи въ сложный организмъ системы Гегеля, полновластно захватившаго въ свои цѣпкія руки образованное общество всей Европы своими безпощадно логическими объясненіями глубины духа человѣческаго, какъ идеально безстрастнаго существованія.

Бакунину же и принадлежитъ честь популяризированія среди тогдашней публики идей западно-европейской философіи. Если до него кружокъ Станкевича и занимался изученіемъ отвлеченностей, то лишь «любительски». Бакунинъ же поставилъ дѣло на агитаціонную ногу, своимъ пыломъ и крупнѣйшимъ ораторскимъ талантомъ расширивъ программу кружка, сообщивъ ей широкій размахъ, внушивъ энергію соучастникамъ.

Организаторская жилка въ Бакунинѣ уже билась.

Кружокъ все увеличивался, вербуя новыхъ членовъ, входившихъ и уходившихъ изъ него впослѣдствіи, но уже съ зароненными сѣменами въ душѣ. Бакунинъ пропагандировалъ Гегеля, какъ бы съ облаковъ, волнуя другихъ, самъ оставался спокойнымъ.

«Бакунинъ—пророкъ и громовержецъ, но съ румянцемъ на щекахъ, и безъ пыла въ крови»,—вѣрно опредѣлилъ Бѣлинскій отношеніе Бакунина къ своимъ эффектнымъ тирадамъ.

Возсѣданіе на пьедесталѣ Бакунина, какъ оракула, почтительно выслушивавшагося толпою, въ значительной степени объясняется отсутствіемъ тогда изъ Москвы такихъ крупныхъ силъ, какъ Станкевичъ, догаравшій въ Италіи. и Герценъ, высланный въ ту пору изъ столицы. Будь они налицо, мнѣнія Бакунина утратили бы значительную долю своей безаппеляціонности.

Какъ сказано, кружокъ Станкевича, или теперь уже Бакунина, въ силу воспринятаго имъ въ полномъ объемѣ гегельянства, совершенно чуждался политическихъ вопросовъ,

считая ихъ низменными, отвлекающими умъ отъ чистаго усовершенствованія, и, въ силу этого, примиряясь съ существующимъ порядкомъ вещей даже суровыхъ «николаевскихъ» временъ.

Идеи московскихъ философовъ нашли себѣ отраженіе въ ихъ лейбъ-органѣ—«Московскомъ Наблюдателѣ».

Въ головномъ номерѣ журнала пошли переведенныя «Гимназическія рѣчи» Гегеля, съ предисловіемъ Бакунина,—своего рода програмною статьею, опредѣлявшею цѣль и характеръ журнала, и крайне интересною своими глубоко охранительными тенденціями, какъ-то несовмѣстимыми въ нашихъ глазахъ съ именемъ Бакунина.

Безжалостно вышучивалъ Бакунинъ «пустую болтовню,—единственный результатъ этой ужасной, безсмысленной анархіи умовъ, которая составляетъ главную болѣзнь нашего новаго поколѣнія». Но онъ питаетъ твердую увѣренность, что „русскій народъ не позволитъ ослѣпить себя этимъ фейерверкомъ словъ безъ содержанія и словъ безъ мыслей». Французы, по словамъ Бакунина, напримѣръ,—народъ отпѣтый, ибо они вздумали объяснять религію, а религія умерла и унесла съ собою счастіе и спокойствіе Франціи. Бакунинъ торжественно возглашаетъ, что «гдѣ нѣтъ религіи—тамъ не можетъ быть и государства, а внѣ христіанства нѣтъ и не можетъ быть истинной религіи». Воспитаніе наше, построенное на французскій ладъ, никуда поэтому не годится. Бакунинъ скорбитъ, что „вмѣсто того, чтобы разжигать въ молодомъ сердцѣ искру Божію, вмѣсто того, чтобы пробуждать въ немъ глубокое религіозное чувство—его наполняютъ пустыми фразами. И мудрено ли, что подобное воспитаніе образуетъ не крѣпкаго и дѣйствительнаго русскаго человѣка—преданнаго царю и отечеству, а что то такое среднее, безотвѣтное и безхарактерное» *).

Журналъ продержался недолго и лопнулъ.

Ревностный гегельянецъ-консерваторъ,—таковъ былъ Бакунинъ до 1840 г., т. е. до выѣзда за границу, когда постепенно произошелъ у него переломъ міровоззрѣнія, приведшій его къ крайнему лагерю.

Выдвигается мало по малу на сцену М. Н. Катковъ, уже тогда съ репутаціею человѣка весьма основательныхъ фило-

---

*) Цитируется по Барсукову „Жизнь и труды Погодина". Т. 5, стр. 150—151.

логическихъ познаній и остраго ума. Катковъ еще не устоялся, какъ и другіе, пытаясь найти опредѣленную физіономію. Ему страстно хотѣлось изображать нѣчто въ родѣ ходячаго энциклопедическаго словаря, всегда открытаго къ пользованію нуждающимися. Своеобразный байронизмъ, въ видѣ кажущагося пресыщенія жизнью и презрѣнія къ ея благамъ, былъ тоже отличительною черточкою Каткова тридцатыхъ годовъ. На Бѣлинскаго Катковъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Бѣлинскій уже признается, что, благодаря Каткову, въ пухъ и прахъ разбившему его нѣкоторыя теоріи, онъ смогъ „принять нѣсколько результатовъ эстетики". Каткова уважали за его прямолинейность, нежеланіе идти на какіе бы то ни было компромиссы съ своими убѣжденіями, коль скоро послѣднія были имъ строго продуманы.

Работоспособность Каткова, послѣдовательная, аккуратная до педантизма, тоже внушительно дѣйствовала на его друзей, предпочитавшихъ трудиться по россійски, т. е. запоемъ. Между Катковымъ и Бакунинымъ установились прочныя, повидимому, отношенія, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо Каткова къ Краевскому, издателю „Отечественныхъ Записокъ", гдѣ онъ сотрудничалъ—съ просьбою «полюбить Бакунина,—это одинъ изъ самыхъ близкихъ мнѣ людей».

Незадолго до этого въ Москву возвратился изъ ссылки извѣстный впослѣдствіи эмигрантъ Н. П. Огаревъ, пострадавшій за свои симпатіи къ идеямъ великой французской революціи. Огаревъ быстро перезнакомился съ членами бывшаго кружка Станкевича. Въ одномъ изъ писемъ Огарева къ Герцену,—его ближайшему единомышленнику до конца жизни—упоминается и о Бакунинѣ: «Бакунинъ погружается въ философію Гегеля, когда одинъ, но коль скоро съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, то погружается въ шахматную игру такъ, что уже не слышитъ, что говорятъ».

Въ 1840 г. возвращенъ былъ въ Москву самъ Герценъ, и встрѣтился впервые съ московскими гегельянцами. Впечатлѣніе Герцена было не совсѣмъ то благопріятное. Ясный, трезвый умъ его, чуждый отвлеченностей, не могъ примириться съ метафизически—схоластическими упражненіями Бѣлинскаго и Бакунина. Цѣлый рядъ споровъ вырылъ глубокую пропасть между Бѣлинскимъ и Герценомъ. Бѣлинскій уѣхалъ въ Петербургъ, порвавъ всѣ сношенія съ Герценомъ, сохранивъ еще свои

позиціи. Но въ Бакунинѣ Герценъ видѣлъ уже эволюцію, подготовленную его торжествующими доводами.

«Бакунинъ хотя и спорилъ горячо—вспоминаетъ впослѣдствіи авторъ «Былого и думъ»,—но сталъ призадумываться, его революціонный тактъ толкалъ его въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ, и доходилъ до такой преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ почитателей и пріятелей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ свысока, гордо пожимая плечами, и называя насъ людьми отсталыми».

Съ этого то времени Бакунинъ неуклонно «лѣвѣетъ», все ближе и ближе примыкая къ Герцену.

«Съ М. я разстался—сообщаетъ Бѣлинскій Станкевичу, тихо угасавшему заграницею. Чудесный человѣкъ, глубокая, самобытная, львиная природа,—этого у него отнять нельзя; но его претензіи... дѣлаютъ дружбу съ нимъ невозможную. Онъ любитъ идеи, а не людей, хочетъ властвовать надъ людьми, а не любить. Съ весны я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я не былъ, но я самъ по себѣ, что ругать себя и кланяться другимъ на свой счетъ—глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни и пр. Ему это не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила... Началась борьба—перепискою. Онъ былъ израненъ, выслушалъ горькія истины, выраженныя энергическимъ языкомъ. Примирился. Послѣ опять война. Онъ опять съ миромъ, а я пишу ему, что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто... Я все и расписалъ откровенно и энергически; онъ взбѣсился и прислалъ мнѣ въ отвѣтъ анаѳему, я не струсилъ, и повелъ дѣло такъ, что онъ растерялся, сталъ противорѣчить себѣ и просить мира. Богъ съ нимъ».

Въ 1840 году Бакунинъ рѣшилъ ѣхать заграницу, непосредственно погрѣться у очага европейскаго просвѣщенія, въ чемъ видитъ онъ «спасеніе отъ ужаснѣйшаго несчастія, отъ постепеннаго опошленія». Но все дѣло за небольшимъ: нужны

*) Герценъ, Сочиненія, т. 2, стр. 314.

деньги, а ихъ то нѣтъ. Денежныя средства Бакунина—отца обрѣтались не въ авантажѣ, и потому онъ ограничился однимъ обѣщаніемъ, что при благопріятныхъ условіяхъ будетъ высылать сыну по 1.500 р. въ годъ,—но слова остались словами, дѣйствительной и матеріальной поддержки Михаилъ Бакунинъ отъ отца не видѣлъ. Тогда Бакунинъ обратился къ состоятельному Герцену, имѣя въ виду какіе-то прежніе разговоры между ними на эту тему. Письмо Бакунина къ Герцену, по поводу денежной субсидіи,—полно самыхъ возвышенныхъ мыслей:

«Все что получу я отъ отца или пріобрѣту собственными руками—горячо убѣждаетъ онъ—будетъ употреблено мною на расширеніе моего путешественнаго плана, а, слѣдовательно, и моего образованія. Я жду духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія, я чувствую въ себѣ такъ много сильной и глубокой возможности, что каждая копѣйка для меня будетъ важна, какъ новое средство къ достиженію моей цѣли. Ты видишь, Герценъ, что я обращаюсь къ тебѣ прямо и просто безъ всякихъ околичностей. Я дѣлаю это потому, что беру деньги не для удовлетворенія какихъ-либо глупыхъ и пустыхъ фантазій».

Бакунинъ не прочь и польстить Герцену:

«Хоть наше знакомство—признается онъ—началось и недавно, но мнѣ нужно было не много времени для того, чтобы полюбить тебя отъ души, и чтобъ сознать что въ нашихъ духовныхъ и задушевныхъ направленіяхъ есть много общаго, и что я могу обратиться къ тебѣ, не боясь недоразумѣній»...

«Повѣрь мнѣ—увѣряетъ далѣе Бакунинъ—я никогда не забуду, что ты и друзья твои *), почти не зная меня, и не проникнувъ въ глубину души моей, повѣрили въ дѣйствительность и святость моего внутренняго стремленія... Я употреблю всѣ заключающіяся во мнѣ средства для того, чтобы стать живымъ, дѣйствительно духовнымъ человѣкомъ полезнымъ не только для себя одного, но и отечеству и всѣмъ окружающимъ меня людямъ».

Крайне любопытна фраза, неосторожно вырвавшаяся у Бакунина между прочими изліяніями. Бакунинъ проситъ денегъ, конечно, не безвозвратно, о, нѣтъ, никогда, онъ можетъ взять

*) Подразумѣвается Огаревъ.

ихъ только заимообразно. подъ непремѣннымъ условіемъ возвратить ихъ при первой возможности,—изъ какихъ бы вы думали источниковъ? Изъ наслѣдства, которое Бакунинъ твердо увѣренъ получить послѣ смерти отца! Что это: lapsus linguae, или сухой, безсердечный эгоизмъ, для котораго не существуетъ рѣшительно никакихъ кровныхъ узъ? Слова, во всякомъ случаѣ. глубоко знаменательныя, что тамъ ни говори.

Цѣли Бакунинъ достигъ вполнѣ: Герценъ и Огаревъ въ складчину удѣлили Бакунину необходимую для него сумму.

Бакунинъ на крыльяхъ полетѣлъ въ Петербургъ, чтобы оттуда уже пробраться заграницу, но тамъ передъ самымъ отъѣздомъ приключилась довольно некрасивая для него исторія.

Дѣло въ томъ что Бакунина природа совершенно лишила крайне важнаго въ общежитіи качества—именно, тактичности. Онъ упорно не желалъ знать какихъ-либо преградъ своему подчасъ назойливому любопытству, стремленію сунуть носъ въ постороннія дѣла. Происходило ли это спроста, по какому то дѣтскому невѣдѣнію, или же вслѣдствіе умышленнаго игнорированія такъ называемыхъ приличій,—но во всякомъ случаѣ подобная безцеремонность Бакунина изрядно вредила ему въ жизни, совершенно оправдывая сорвавшееся какъ то у Герцена краткое, но мѣткое опредѣленіе Бакунина: «талантъ и дрянной характеръ». То же, приблизительно, хотѣлъ выразить и И. С. Тургеневъ, знавшій Бакунина заграницею, своимъ выраженіемъ, что „Бакунинъ любилъ изображать сточную канаву для всякихъ дрязгъ“.

Въ Петербургѣ Бакунинъ встрѣтился съ московскими друзьями, выбравшимися уже раньше его изъ Москвы, но встрѣча была очень холодная, а окончилась полнымъ разрывомъ. Виновенъ былъ опять Бакунинъ, впутавшись въ личныя дѣла Каткова. Почва для ссоры была такимъ образомъ подготовлена. Въ Петербургѣ Катковъ проживалъ у общаго знакомаго литератора Панаева, также намѣревавшагося ѣхать доканчивать образованіе заграницу. Бакунинъ разыскалъ ихъ. Панаевъ обошелся съ нимъ очень сухо, а Катковъ даже и не вышелъ. Бакунинъ не смутился. На слѣдующій день Катковъ съ Панаевымъ были у прихворнувшаго Бѣлинскаго, какъ вдругъ на дворѣ показалась знакомая «уродливая фигура въ филистерскомъ прегнусномъ картузѣ». Пока Бѣлинскій собирался огорошить Бакунина,—тотъ уже лѣзъ цѣловаться. Катковъ не стер-

пѣлъ, и своимъ обычнымъ желчнымъ тономъ поблагодарилъ его за участіе въ распространеніи какой то сплетни.

«Бакунинъ прошелъ въ спальню и отвѣчалъ оттуда: «фактецовъ, фактецовъ, я желалъ бы фактецовъ, милостивый государь!» «Какіе тутъ факты,—вы продваали меня по мелочамъ». Произошла перебранка, перешедшая въ наступательныя дѣйствія, причемъ наиболѣе потерпѣвшимъ оказался, по справедливости, виновный Бакунинъ Бѣлинскій былъ на сторонѣ Каткова. Бакунинъ, получивъ оскорбленіе, заявилъ, что онъ намѣренъ драться. Катковъ успокоившись, еще разъ предъ уходомъ, подошелъ къ нему и сказалъ: «послушайте, милостивый государь, если въ васъ есть хоть капля теплой крови, не забудьте же, что вы сказали». Бѣлинскій остался успокаивать Бакунина. Жалость смѣшивалась у него съ отвращеніемъ. Бакунинъ казался ему настолько противнымъ, что онъ не допускалъ возможности любви къ нему со стороны женщины, и не понималъ какъ могутъ цѣловать его сестры» *).

Катковъ просилъ Бѣлинскаго быть секундантомъ, тотъ долго отказывался, считая себя совершенно неприготовленнымъ для такой роли, но, наконецъ, согласился. До кровопролитія дѣло однако не дошло, благодаря письму Бакунина къ Каткову, въ которомъ онъ «аналитическимъ и скопческимъ слогомъ» (по выраженію Бѣлинскаго) предлагалъ отложить поединокъ до встрѣчи заграницею, ссылаясь на суровость русскаго закона. Вообще поведеніе Бакунина, судя по послѣднимъ источникамъ,— въ данномъ случаѣ весьма таки было двусмысленное, что и вызвало со стороны Бѣлинскаго замѣчаніе: «кажется, молодецъ, хочетъ отдѣлаться, а нашъ (Катковъ) горячится тѣмъ болѣе, надо, говоритъ подлеца, стереть съ лица земли. Впрочемъ, я подозрѣваю, что онъ прикнучиваетъ себя, ибо дуэль хороша, когда оскорбленіе живо еще и сильно».

Повторяемъ, что инцидентъ передается на основаніи разсказовъ лицъ, сочувствовавшихъ Каткову, и, быть можетъ, слишкомъ субъективныхъ при освѣщеніи фактовъ *). Во всякомъ

*) С. Невѣдѣнскій „М. Н. Катковъ и его время“, стр. 60.

Справедливость требуетъ однако, замѣтить, что и Н. П. Огоревъ, впослѣдствіи близкій другъ Бакунинъ,—въ письмѣ къ Герцену коснулся прискорбнаго случая, бывшаго между Катковымъ и Бакунинымъ, выражая даже сожаленіе что оказалъ, купно съ Герценымъ поддержку Бакунину недостойному пожатія руки. Впрочемъ его мнѣніе и относительно Каткова тоже не отличалась мягкостью.

случаѣ, кидать Бакунину упрекъ въ трусости едва ли справедливо, зная его дальнѣйшую, полную бурныхъ треволненій жизнь, почти на каждомъ шагу сопровождавшуюся немалымъ рискомъ.

Вскорѣ Бакунинъ уѣхалъ.

«Когда онъ уѣзжалъ—писалъ Бѣлинскій Боткину, его провожали ни я, ни Катковъ, но Герценъ, произведенный имъ за 1000 р. въ спекулятивныя натуры. Мишель думалъ, что кромѣ глубокой натуры и генія необходимы для удостаиваемыхъ его дружбы еще и одинаковый взглядъ на погоду и одинаковый вкусъ, даже въ гречневой кашѣ,—условіе sine qua non!»

Изъ Берлина Бакунинъ письменно сознавался въ своей несдержанности, сваливая все на «діалектическую натуру». Но на Бѣлинскаго всѣ объясненія Бакунина желаемаго дѣйствія не произвело, что видно изъ слѣдующихъ строкъ его переписки съ Боткинымъ, изъ-за котораго, какъ глухо упоминаетъ Огаревъ, и разгорѣлся весь сыръ-боръ:

«Къ Каткову онъ (Бакунинъ) писалъ, приписывая свой поступокъ пустотѣ и болтовнѣ, проситъ извиненія, но говоритъ, что извѣстныя объясненія неизбѣжны, но я не вѣрю:—у..... я на мѣстѣ объясненія, и всего вѣрнѣе увернется отъ него».

Не пытаясь доказывать, что уклончивость Бакунина можно понимать, какъ слѣдствіе дѣйствительно сознанной имъ своей неправоты, указываемъ въ тоже время, что и самъ Катковъ не спѣшилъ съ барьеромъ. По крайней мѣрѣ въ Берлинѣ онъ встрѣчалъ Бакунина, но вопросъ о сатисфакціи не поднимался, и даже Катковъ передавалъ, какому то петербургскому знакомому порученіе Бакунина. Впослѣдствіи онъ не упустилъ случая иронически разсказывать, какъ однажды берлинскіе студенты устроили овацію предъ домомъ любимаго профессора. Молодежь, не жалѣя легкихъ, привѣтствовала своего фаворита, но всѣхъ старательнѣе дѣйствовалъ Бакунинъ. «Черты лица его исчезли; вмѣсто лица былъ одинъ огромный, разинутый ротъ. Онъ кричалъ всѣхъ громче и суетился всѣхъ болѣе, хотя предметъ торжества былъ ему совершенно чуждъ, и профессора онъ не зналъ, и на лекціяхъ его не бывалъ» *).

---

*) Нехорошее чувство къ Бакунину у Каткова плотно засѣло. 30 лѣть спустя, онъ уже окончательно покончившій со всѣми сомнѣніями, и твердо опредѣлившійся въ „правыхъ“ взглядахъ, говоря

Кончился первый періодъ жизни Бакунина, «прослужившаго два года въ артиллеріи и столько же въ московскомд гегельянствѣ, и постепенно встаетъ во весь ростъ,—по признанію того же Каткова «фигура колоссальная», крѣпнетъ тотъ Бакунинъ имя котораго, наряду съ Прудономъ, Штирнеромъ, Кропоткинымъ, вы встрѣтите въ любой иностранной книжкѣ—для насъ рано еще,—трактующей вопросы соціализма, въ его конечной точкѣ—въ апархизмѣ.

Въ Берлинѣ Бакунинъ сошелся съ И. С. Тургеневымъ. Они самымъ усерднымъ образомъ посѣщали лекціи по логикѣ профессора Вердера, всѣмъ извѣстные, какъ неразлучные друзья. Но радикализмъ будущихъ западниковъ находился еще въ первой стадіи. Такъ, напримѣръ, Бакунинъ, бывшій нѣсколько «краснѣе» Тургенева, даже освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, считалъ дѣломъ далекаго будущаго.

Время шло и свѣжій западно-европейскій воздухъ, волна бурной, захватывающей жизни эпохи «бури и натиска», уже

о современномъ революціонномъ движеніи въ Россіи, аттестовалъ Бакунина такъ:

„Въ молодости это былъ человѣкъ не безъ нѣкотораго блеска, способный озадачивать людей слабыхъ и нервныхъ, смущать незрѣлыхъ и выталкивать ихъ изъ колеи. Это была натура черствая и сухая, умъ пустой и безплодно возбужденный. Онъ хватался за многое но ничѣмъ не овладѣвалъ, ни къ чему не чувствовалъ призванія, ни въ чемъ не принималъ дѣйствительнаго участія. Не было человѣка, даже наилучшимъ образомъ къ нему расположеннаго, на кого бы не производилъ онъ безотчетно непріятнаго и отталкивающаго дѣйствія. Всякому было съ нимъ тягостно и неловко. Въ немъ ничего не было искренняго; всѣ его интересы были явленіемъ безъ сущности. Одна, впрочемъ, черта въ его характерѣ была несомнѣнно реальная, одно свойство, которое въ своихъ проявленіяхъ было у него и правдиво и искренно: это способность жить на чужой счетъ и не дѣлать никакого различія между карманомъ своимъ и чужимъ. Онъ всегда умѣлъ пристраиваться къ денежнымъ, податливымъ и конфузливымъ людямъ и съ добродушіемъ временъ богатырскихъ соглашался хозяйничать въ ихъ кошелькахъ и пользоваться ихъ избытками. Какъ не дѣлалъ онъ практическаго различія между чужими и своими деньгами, такъ не дѣлалъ онъ различія въ своихъ потребностяхъ между дѣйствительными и мнимыми. Ему нечего не стоило вытянуть у человѣка послѣднія его деньги, съ тѣмъ, чтобы и тотчасъ же разсорить ихъ на вещи ему совершенно ненужныя. Денегъ не срывалъ онъ только съ того, у кого положительно нечего было взять. „Моск. Вѣд.“, 1870, № 4.

очищаетъ въ Бакунинѣ спертую, насыщенную лампаднымъ гегельянствомъ атмосферу.

Въ 1842 г. въ журналѣ «Halleshe Jahrbücher»—дѣтищѣ крупнаго германскаго дѣятеля Арнольда Руге, начинаютъ появляться мастерски и въ новомъ духѣ написанныя статьи нѣкоего Jules Elyzard.

Герценъ, прочтя ихъ, и, не зная еще подлиннаго имени автора, разразился въ своемъ дневникѣ восторженнымъ панегерикомъ его таланту.

«Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ была работа француза J. Elyzard о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. Это громкій, торжественный возгласъ демократической партіи, полный силъ, твердый обладаніемъ симпатій въ настоящемъ и всего міра въ будущемъ; онъ протягиваетъ руку консерватистамъ, какъ имѣющій власть, раскрываетъ имъ съ неимовѣрною ясностью смыслъ ихъ анахронистическаго стремленія и зоветъ въ человѣчество. Вся статья отъ доски до доски замѣчательна».

Скоро въ дневникѣ Герцена появляется уже такая замѣтка:

«Письмо отъ Бакунина. Онъ смываетъ прежніе грѣхи свои. Я совершенно примирился съ нимъ».

И Бѣлинскій, уже успѣвшій разладить съ Катковымъ («Хлестаковымъ въ нѣмецкомъ вкусѣ») рѣзко перемѣнилъ фронтъ по отношенію къ Бакунину. Отъ прежняго отвращенія, наблюдаемаго еще два года тому назадъ, не осталось и слѣда:

«До меня—сообщаетъ онъ Боткину—дошли хорошіе слухи о М. и я написалъ ему письмо. Не удивляйтесь: отъ меня все можетъ статься... Странно; мы, я и М. искали Бога по разнымъ путямъ—и сошлись въ одномъ храмѣ. М. во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа».

1843 г. засталъ Бакунина уже въ Швейцаріи, гдѣ онъ близко примкнулъ къ партіи соціалистовъ. Герценъ не мало былъ удивленъ, прослышавъ, что имя Бакунина фигурируетъ въ процессѣ извѣстнаго нѣмецкаго коммуниста—портного Вейтлинга.

Русское правительство очень заинтересовалось прыткостью своего подданнаго, и оффиціально запросило черезъ посольство о болѣе подробныхъ свѣдѣніяхъ Швейцарская полиція весьма

любезно сообщила, что «вышепоименованный индивидуумъ», привлекался къ отвѣтственности лишь вслѣдствіе своей переписки съ Вейтлингомъ, и, съ сокрушеніемъ добавила, что г. Бакунинъ остался долженъ 100 франковъ архитектору Штадеру, у котораго квартировалъ. Для бдительнаго ока «3 отдѣленія» было слишкомъ достаточно, чтобы составить вполнѣ опредѣленное представленіе о явной неблагонамѣренности Бакунина. Ему, какъ блудному сыну, предложили явиться въ Россію. Послѣдовалъ отказъ. Тогда, по повелѣнію Императора Николая былъ наряженъ заочный судъ, по приговору котораго Бакунинъ былъ лишенъ дворянства и пр. *).

Перебравшись изъ Швейцаріи въ Парижъ, Бакунинъ и тамъ не ужился. Весьма недвусмысленныя предложенія префекта заставили его покинуть столицу Франціи; куда ему разрѣшили вступить уже въ 1847 г. Черезъ Арнольда Руге, Бакунинъ перезнакомился съ Карломъ Марксомъ, романисткою Жоржъ-Зандъ, Шопеномъ, и Ламеннэ.

29 ноября 1847 г. на банкетѣ въ память польскаго возстанія, Бакунинъ разразился громовою рѣчью противъ деспотизма русскаго правительства, приглашая поляковъ къ единенію съ русскимъ народомъ въ будущей борьбѣ за свободу. Впервые у Бакунина появилась столь излюбленная имъ впослѣдствіи идея о всеславянской федераціи. Снова вмѣшался Петербургъ, и по настоятельнымъ представленіямъ графа Киселева, тогдашняго нашего посланника при дворѣ Людовика-Филиппа, пришлось просить «свирѣпую личность», какъ выразился первый министръ Гизо—убраться изъ Франціи. Окончательно уже революціонированный Бакунинъ перекочевалъ въ сосѣднюю Бельгію.

---

*) 16 января 1845 г. въ оффиціозномъ органѣ французскаго правительства „Gazette des tribunaux",—появилось грозное оповѣщеніе, что „L'empereur, sur la proposition du Sénat dirigeant, vient de rendre un ukase portant, qu'attendu que les nobles Galwin (Иванъ Головинъ) et Bakunin ont publié en France des écrits revolutionnaires contre le gouvernement russe, et qué malgrè les sommations reitereés à eaux faites, ils ne sont pas revenus dans leur patrie, ils sont déclarés déchus de tous les droits civiques et nobilitaires; que tous les biens immeubles qu'ils possédarent dans l'émpire russe seront confisqués au profit de l'Etat, et que si jamais on les retrouve sur le territoire russe, ils seront trausportés en Sibérie pour y demeurer exilés pour tout le reste de leurs jours".

Изъ письма его къ Н. В. Анненкову видна полная ломка міровоззрѣнія прежняго ортодоксальнаго гегельянца. Въ его исповѣди не чувствуется аффектаціи, не замѣтно фразъ; простыми и ясными словами указываетъ онъ на окончательно опредѣлившуюся для него невозможность возвратиться назадъ, что было бы для него равносильно полной измѣнѣ. Твердо и увѣренно говоритъ о переходѣ рокового Рубикона, о полномъ разрывѣ съ прошлымъ.

«Вся жизнь моя опредѣлялась—сознается онъ—до сихъ поръ почти невольными изгибами независимо отъ моихъ собственныхъ предположеній; куда она меня поведетъ—Богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ не могу. Въ этомъ вся моя сила и все мое достоинство; въ этомъ также вся дѣйствительность, и вся истина моей жизни; въ этомъ моя вѣра и мой долгъ, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ; будетъ какъ будетъ».

24 февраля «добрый французскій народъ» соскучился по марсельезѣ и рѣшилъ, что пора поданнымъ буржуазнаго короля превратиться въ свободныхъ гражданъ республики.

«Первые дни февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. *) Возвратившись изъ Бельгіи, онъ съ головою нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдовалъ, все проповѣдовалъ коммунизмъ и égalitè du salaire, нивеллированіе во имя равенства, уничтоженіе всѣхъ Австрій, освобожденіе всѣхъ славянъ, революцію en permanence, войну до послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій порядокъ изъ безпорядка, Коссидьеръ, не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника, и придумалъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ славянамъ съ братской аллокадой и увѣренностью, что онъ сломитъ тамъ себѣ шею».

«Quel homme! Quel homme! многозначительно качалъ головою Коссидьеръ.—Notre ami est un homme impayable le jour de la revolution, mais le lendemain il faut absolument

---

*) Герценъ. Сочиненія, Т. 3, стр. 484.

**) Нашъ другъ Бакунинъ—незамѣнимый человѣкъ въ день революціи. но на слѣдующій день его непремѣнно надо разстрѣлять, потому что съ такимъ анархистомъ немыслимо установить какой либо порядокъ.

le faire fuisillier, car il sera impossible d'ètablir un ordre quelqconque avec un pareil anarchiste».

Впослѣдствіи Герценъ видѣлся въ Лондонѣ съ Коссидьеромъ, уже изгнаннымъ при Наполеонѣ III, и напомнилъ ему о Бакунинѣ. «Префектъ только ударилъ огромнымъ кулачищемъ своимъ въ молодецкую грудь свою съ тою силою, съ которою вбиваютъ сваи въ землю, и говорилъ: здѣсь ношу Бакунина, здѣсь».

Много общаго нашлось у Бакунина съ Прудономъ. Аристократъ—Бакунинъ и гордившійся своею мужицкою костью Прудонъ, быстро столковались между собою въ отрицаніи мелко эгоистическихъ основъ буржуазной жизни, но какъ тонко чувствующія сердца, широко раскидывающіеся умы, пошли къ одной цѣли по разнымъ дорогамъ.

«Я встрѣчалъ Прудона—вспоминаетъ Герценъ—раза два у Бакунина. Бакунинъ жилъ тогда съ музыкантомъ А. Рейхелемъ, въ чрезвычайно скромной квартирѣ. Прудонъ часто приходилъ туда слушать Рейхелева Бетховена и Бакунинскаго Гегеля. Философскіе споры длились дольше симфоній. Они напоминали знаменитыя всенощныя бдѣнія Бакунина съ Хомяковымъ, о томъ же Гегелѣ.

Однажды натуралистъ Карлъ Фогтъ, тоже часто посѣщавшій Рейхеля и Бакунина, наскучивъ какъ-то вечеромъ слушать безконечные толки, отправился спать. На другой день утромъ онъ зашелъ за Рейхелемъ—его удивилъ, несмотря на ранній часъ, разговоръ въ кабинетѣ Бакунина; онъ пріотворилъ дверь—Прудонъ и Бакунинъ сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ, предъ потухшимъ каминомъ, и оканчивали въ краткихъ словахъ начатый вчера споръ» *).

Изъ Парижа Бакунинъ, съ тремя тысячами франковъ и французскимъ паспортомъ въ карманѣ, отправился въ Австрію. Политическая атмосфера всей Германіи, указывала на неминуемый взрывъ. Такъ оно и случилось. Знаменитый сорокъ восьмой годъ вихремъ пронесся по имперіи Габсбурговъ, и сопредѣльныхъ владѣніяхъ, съ корнемъ вырывая засохшее дерево старыхъ порядковъ. Пахло революціей, всюду поднималъ голову народъ, сбрасывая ярмо феодально-абсолютическаго режима, опьяненный успѣхомъ французовъ.

1 іюля 1848 г. состоялся такъ называемый пражскій съѣздъ,

*) Герценъ, Сочиненія, Т. 3, стр. 151.

Австрійскимъ славянамъ необходимо было столковаться объ удобнѣйшей позиціи, ввиду ясно опредѣлившейся борьбы между Австріей и Венгріей. Положеніе австрійскихъ славянъ представлялось очень затруднительнымъ. Нисколько не улыбалась постепенная мадьяризація, возможная въ случаѣ успѣха венгерскихъ повстанцевъ, но и мало интереснаго было въ нѣмецкой гегемоніи, столь тяжеловѣсной своимъ нежеланіемъ считаться съ духомъ подвластной народности,

Въ качествѣ русскаго, т. е. представителя старшаго колѣна великой всеславянской семьи, не преминулъ явиться на съѣздъ и вездѣсущій Бакунинъ съ своею пламенною идеею о единеніи разобщенныхъ славянъ. На съѣздѣ Бакунинъ проводилъ между прочимъ мысль о громадной важности особаго совѣта, составленнаго изъ выборныхъ славянскихъ народностей, прямою задачею котораго поставлено было бы надлежащее урегулированіе междуславянскихъ отношеній, путемъ приведенія къ міролюбивому соглашенію. Считая эту мѣру, такъ сказать, временною, профилактическою, что ли, Бакунинъ указывалъ не необходимость сдѣлать починъ въ дѣлѣ федераціи, который бы и уяснилъ почву для дальнѣйшей работы въ желаемомъ направленіи. Въ деталяхъ Бакунинскаго проекта объ устройствѣ федеративнаго государства, тенденціи соціалистическія выражались еще не ярко, сводясь къ признанію права каждаго славянина на соотвѣтствующую часть славянской территоріи.

Недоразумѣнія остались, въ сущности, неразъясненными, общей схемы не существовало, а клокотавшая кровь не нашла себѣ другого исхода, какъ учинить революцію, не отличавшуюся, однако, особыми стойкостью и мужествомъ. Вспыхнуло возмущеніе въ Прагѣ. Появились баррикады, знамена, ораторы, загремѣли выстрѣлы. Пользуясь малочисленностью австрійскаго гарнизона, инсургенты захватили было въ свои руки власть надъ городомъ, Бакунинъ изображалъ нѣчто въ родѣ начальника штаба наскоро набраннаго отряда защитниковъ Праги. Утверждаютъ даже, что онъ непосредственно составилъ планъ защиты. Но первая же бомбардировка, быстро охладила пылъ чеховъ и разномастная охрана Праги пошла на капитуляцію. Бакунинъ успѣлъ на этотъ разъ благополучно спастись отъ австрійскаго суда.

Пламя революціоннаго пожара перекинулась въ Саксонію, и тутъ то во всю мощь развернулся Бакунинъ. Дрезденскія бое-

выя дружины безпрекословно подчинились Бакунину, обнаружившему нешуточныя организаторскія способности и зоркій военный глазъ. Бакунинъ полновластно диктаторствовалъ въ Дрезденѣ, отражая пруссаковъ, явившихся водворять порядокъ въ Саксоніи. Артиллерійскія познанія пришлись какъ нельзя болѣе кстати. Рѣшительности въ изискиваніи средствъ къ оборонѣ Бакунину не стать было занимать. Ему принадлежалъ знаменитый приказъ устроить въ оперномъ театрѣ—гордости Дрездена—складъ горючаго матеріала, для военныхъ надобностей, отчего тотъ и сгорѣлъ. Когда Бакунину указывали, что такая ревностная защита приведетъ къ полному разрушенію города, то сорви-голова громовою рѣчью обличилъ всю преступность подобной сентиментальности, коль скоро дѣло идетъ объ успѣхѣ революціи,—великой цѣли, преподанной человѣчеству, а тутъ какіе то буржуа толкуютъ о постройкахъ, къ черту ихъ, пусть летятъ на воздухъ, во имя свободы, равенства и братства. Бравурная дѣятельность Бакунина въ Дрезденѣ окончилась эффектнымъ финаломъ, позаимствованнымъ Бакунинымъ, быть можетъ, у Герострата. Въ крайности, истощивъ всю свою изобрѣтательность, Бакунинъ предложилъ выставить на дрезденскіе валы шедевры знаменитой картинной галлереи, Рафаэля, Мурильо, Тиціана, дабы тѣ служили заслономъ отъ прусскихъ пуль, причемъ предполагалось, что пруссаки, проникнутые уваженіемъ къ эстетикѣ, остерегутся стрѣлять.

9 мая Дрезденъ палъ, а 10 Бакунинъ былъ уже арестованъ въ сосѣднемъ городкѣ Хемницѣ.

Вояка сохранилъ все свое присутствіе духа. Находясь подъ карауломъ, онъ дѣятельно старался распропагандировать присматривавшаго за нимъ офицера, доказавъ ему даже, что въ политикѣ преступленіемъ называется лишь неуспѣхъ.

Девять мѣсяцевъ Бакунинъ просидѣлъ въ казематѣ крѣпости Кенигштейнъ. Смертная казнь, опредѣленная Бакунину приговоромъ военнаго суда за участіе въ вооруженномъ возстаніи, была замѣнена, по конфирмаціи саксонскаго короля, пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Смягченіе суроваго приговора послѣдовало, какъ есть основаніе думать, отчасти подъ вліяніемъ дѣятельно распускавшихся въ нѣмецкой печати слуховъ, что Бакунинъ ни что иное какъ тайный агентъ-провокаторъ русскаго правительства.

Бакунинъ велъ себя на судѣ безукоризненно, заявивъ даже что желаетъ быть разстрѣляннымъ, сославшись при этомъ на свое прежнее офицерское званіе.

Изъ-за Бакунина завязался чуть ли не международный споръ на почвѣ желанія добыть въ свою власть интереснаго плѣнника. Въ особенности горячо заявила свои претензіи Австрія, не забывшая участія Бакунина въ пражскомъ движеніи. Саксонцы великодушно уступили свою добычу. Бакунина засадили въ Грацъ, а черезъ годъ перевезли въ Ольмюцъ, гдѣ въ цѣляхъ предосторожности цивилизованные австрійцы второй половины девятнадцатаго столѣтія приковали мятежника къ стѣнѣ примѣняя подобную варварскую мѣру въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ.

Такой жестокости не выдерживали даже стальные нервы Бакунина. Онъ собрался было покончить съ собою, глоталъ какимъ-то образомъ попавшія къ нему фосфорныя спички, но геркулесовская натура не поддавалась.

«Разъ ночью—разсказываетъ Бакунинъ *),—я былъ пробужденъ непривычнымъ шумомъ. Двери шумно отворялись и запирались, замки щелкали; наконецъ, шаги идущихъ приблизились, разные начальники вошли въ тюрьму; смотритель, сторожа и какой-то офицеръ. Приказали одѣваться. Я ужасно обрадовался,—разстрѣливать ли ведутъ, въ другую ли тюрьму переводятъ, все перемѣна, стало,—къ лучшему. Меня повезли въ закрытомъ экипажѣ на желѣзную дорогу и посадили въ закрытый вагонъ съ крошечными окнами. Вагонъ этотъ, вѣроятно, переставляли, когда нужно было мѣнять поѣзда, меня не выводили ни на одной станціи. Чтобы подышать чистымъ воздухомъ я придумалъ просить поѣсть, но это не привело къ желанному результату, мнѣ принесли поѣсть въ вагонъ. Наконецъ мы добрались до конечной цѣли нашего путешествія. Меня вывели скованнаго изъ темнаго вагона на ярко освѣщенный зимнимъ солнцемъ дебаркадеръ. Окидывая бѣглымъ взглядомъ станцію, я увидѣлъ русскихъ солдатъ, сердце мое радостно дрогнуло, и я понялъ въ чемъ дѣло... Я обрадовался какъ дитя, хотя не могъ ожидать ничего для себя хорошаго. Повели меня въ отдѣльную комнату, явился русскій офицеръ и началась сдача меня, какъ вещи, читали оффиціальныя бумаги на

*) Н. Огарева-Тучкова, Воспоминанія, стр. 196.

нѣмецкомъ языкѣ. Австрійскій офицеръ, жиденькій, сухощавый, съ холодными, безжизненными глазами, сталъ требовать, чтобъ ему возвратили цѣпи, надѣтыя на меня въ Австріи. Русскій офицеръ, очень молоденькій, застѣнчивый, съ добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ, тотчасъ согласился на обмѣнъ цѣпей. Сняли австрійскіе кандалы и немедленно надѣли русскіе. Ахъ, друзья родные, цѣпи мнѣ показались легче, я имъ радовался и весело улыбался молодому офицеру, русскимъ солдатамъ. Эхъ ребята,—сказалъ я—на свою сторону, знать, умирать. Офицеръ возразилъ: не дозволяется говорить. Солдаты молча и съ любопытствомъ поглядывали на меня. Потомъ меня посадили въ закрытый экипажъ, въ родѣ курятника съ маленькими отверстіями вверху. Ночь была морозная, а я отвыкъ отъ свѣжаго воздуха»...

Въ маѣ 1851 года Бакунина доставили прямо въ Петропавловку, подъ мрачные своды «Алексѣевскаго равелина». Пошли безконечные допросы о заграничной дѣятельности Бакунина. Онъ отвѣчалъ коротко и энергично: «принципы мои вы знаете, я ихъ никогда не таилъ и высказывалъ громко, я желалъ единства демократизированной Германіи, освобожденія славянъ, разрушенія всѣхъ насильственно сплоченныхъ царствъ, прежде всего разрушенія Австрійской Имперіи; я взятъ съ оружіемъ въ рукахъ—довольно вамъ данныхъ, чтобъ судить меня. Больше же я ни на какіе допросы отвѣчать не стану» *).

Мѣсяца черезъ два къ Бакунину явился отъ имени Императора Николая графъ Орловъ съ предложеніемъ описать свои приключенія, «какъ духовный сынъ». Бакунинъ разсудилъ, что въ данномъ случаѣ безцѣльно щеголять выдержанностью характера, проще нѣсколько поступиться, тѣмъ болѣе, что безчестнаго въ исполненіи желанія Николая ничего не было. И вотъ, сидя въ смрадномъ казематѣ, Бакунинъ состряпалъ нѣчто въ родѣ исповѣди, густо пересыпавъ факты реторикой.

Тонъ его посланія былъ безусловно корректенъ и неуклончивъ, ибо Бакунинъ хорошо зналъ цезарскій нравъ Императора и его любовь въ иныхъ случаяхъ къ энергичнымъ людямъ.

Начиналась исповѣдь такъ: «Государь, вы хотите, чтобъ я написалъ вамъ свою исповѣдь, хорошо, я вамъ напишу ее, но

---

*) Письма Бакунина къ Герцену и Огареву. Женева, 1896 г. стр. 70.

вамъ извѣстно, что на духу никто не долженъ каяться въ чужихъ грѣхахъ. Послѣ моего кораблекрушенія у меня осталось только одно сокровище, честь, и сознаніе, что я не измѣнилъ никому изъ довѣрявшихся мнѣ, а потому я не буду никого называть» *). Далѣе слѣдовало обстоятельное описаніе зарубежныхъ похожденій Бакунина, выяснялись его политическіе взгляды, планы, даже теоріи. Не обошлось и безъ указаній на промахи Николая. Въ послѣдней фразѣ Бакунинъ просилъ за его откровенность не взыскивать «нѣмецкіе грѣхи».

Николай внимательно прочелъ записку и сказалъ: «Онъ умный и хорошій малый, но опасный человѣкъ, его надобно держать взаперти» **).

Не на одного Императора Бакунинъ произвелъ симпатичное впечатлѣніе. Князь Г. (Горчаковъ?) участвовавшій въ допросахъ Бакунина, далъ ему самую лестную въ устахъ генерала характеристику, съ уваженіемъ отозвавшись о способностяхъ арестанта, сравнить съ которымъ въ познаніяхъ мудрено хотя бы одного артиллерійскаго офицера русской арміи.

За Бакунина усердно хлопоталъ не потерявшій съ нимъ связь И. С. Тургеневъ, пересылая ему даже книги, что не совсѣмъ то было безопасно для него, какъ человѣка, невысоко стоявшаго въ мнѣніи Николая ***).

Черезъ три года, (въ 1854 г.), при началѣ крымской войны Бакунина перевели въ Шлиссельбургъ.

Шлиссельбургское заключеніе нелучше было ольмюцскаго. У Бакунина открылась цынга, сильно повліявшая на зубы.

«Страшная вещь пожизненная тюрьма; влачить жизнь безъ цѣли, безъ надежды, безъ интереса. Каждый день говорить себѣ: сегодня я поглупѣлъ, а завтра буду еще глупѣе. Со страшною зубною болью, продолжавшеюся по недѣлямъ, и возвращающеюся, по крайней мѣрѣ, по два раза въ мѣсяцъ, не спать ни дней, ни ночей,—чтобы ни дѣлалъ, чтобы ни читалъ, даже во время сна чувствовать какое-то неспокойное ворочаніе въ сердцѣ и въ печени съ sentiment fixe: я рабъ, я мертвецъ. Однако я не упадалъ духомъ, еслибъ во мнѣ оста-

---

*) Ibidem, стр. 71.

**) Герценъ, (Сочин. т. 3, стр. 486) говоритъ, что Николай былъ даже доволенъ, что его офицеръ такъ ловко, съ такимъ успѣхомъ дѣйствовалъ въ Дрезденѣ.

***) Русская Старина, 1887 г., т. V, стр. 394.

валась религія, то она окончательно рушилась бы въ крѣпости. Я одного только желалъ: не примириться, не резиньироваться, не измѣниться, не унизиться до того, чтобы искать утѣшенія въ какомъ-бы то ни было обманѣ,—сохранить до конца въ цѣлости святое чувство бунта».

Почему то Бакунинъ не любилъ останавливаться на подробностяхъ своего сидѣнія въ Шлиссельбургѣ. Эмигрантъ В. Дебагорій-Мокріевичъ, знавшій Бакунина въ послѣдніе годы его жизни, слышалъ только, что Бакунинъ для развлеченія, между прочимъ, пріучилъ голубей кормиться крошками хлѣба на подоконникѣ *).

При коронаціи послѣдующаго Императора, фамилія Бакунина была собственноручно вычеркнута Александромъ Вторымъ изъ списка политическихъ преступниковъ, подлежавшихъ смягченію участи. Матери Бакунина категорически было заявлено, что Бакунинъ до конца дней своихъ не долженъ надѣяться на освобожденіе **). Императоръ Александръ мотивировалъ свое нежеланіе помиловать Бакунина отсутствіемъ въ его достопамятной «исповѣди» чувства искренняго раскаянія. Подъ вліяніемъ такой мало утѣшительной вѣсти, Бакунинъ условился съ своимъ братомъ Алексѣемъ ждать еще мѣсяцъ, а затѣмъ, если его положеніе не измѣнится къ лучшему, то ему должны доставить какимъ-нибудь путемъ ядъ. Но «рука» у Бакунина при Дворѣ, очевидно, была и притомъ сильная.

«Нелегко досталось моимъ роднымъ освобожденіе меня изъ крѣпости. Государь съ упорствомъ отбилъ нѣсколько приступовъ». Все же въ мартѣ 1857 г. Бакунинъ распростился съ Шлиссельбургомъ, пробылъ недѣлю въ «3-мъ отдѣленіи», а затѣмъ сутки въ деревнѣ у родныхъ, а въ апрѣлѣ находился уже въ Томскѣ, отбывъ, такимъ образомъ, девятилѣтнее тюремное заключеніе, при самомъ тягостномъ режимѣ.

Бакунинъ, съ свойственнымъ ему умѣніемъ быстро вошелъ въ тамошнее общество, познакомившись съ нѣкоею Антоніею Ксаверьевною Квятковскою, полькою, дочерью служащаго у золотопромышленника. Началось съ уроковъ французскаго языка, любезно предложенныхъ героемъ дрезденскихъ баррикадъ, а кончилось марьяжемъ.

---

*) В. Дебагорій-Мокріевичъ. Воспоминанія.

**) „Sachez, Madame que tant que vatre fils vivra il ne pourra jamais être libre“!

Повѣримъ на слово Бакунину, что его жена вполнѣ раздѣлила и мыслью и сердцемъ всѣ убѣжденія своего мужа.

Генералъ-губернаторъ восточной Сибири, «оригинальный человѣкъ, демократъ и татаринъ, либералъ и деспотъ, родственникъ Михаила Бакунина и Михаила Муравьева *), самъ Муравьевъ, тогда еще не Амурскій», относился къ опальному очень хорошо. По его милости Бакунину предоставили полную свободу въ распорядкѣ жизни. Муравьевъ, при наѣздахъ въ Томскъ, не прочь былъ помечтать съ бѣдовымъ племянникомъ о возможномъ въ будущемъ соціальномъ переворотѣ, а пылкій Бакунинъ, уже строившій планъ за планомъ, одинъ несбыточнѣе другого, мысленно назначалъ его главнокомандующимъ проектируемою имъ земскою арміей, которая, на развалинахъ владычества Австріи, положитъ основаніе великаго всеславянскаго государства.

Думать о возвращеніи Бакунина въ Европейскую Россію было по меньшей мѣрѣ преждевременно, несмотря на его сильныя связи. Все же Муравьеву удалось добиться нѣкоторой легализаціи Бакунина разрѣшеніемъ вступить въ гражданскую службу на правахъ канцелярскаго чиновника 4-го разряда, т. е. по ѣдкому замѣчанію Герцена, «зачислиться въ особую категорію писцовъ, придуманную для нѣжинскихъ грековъ и цыганъ». До канцелярій ли тутъ было Бакунину, съ его идеями о міровыхъ революціяхъ, могъ ли зарыться въ архивныя дѣла «апостолъ всеобщаго разрушенія», чистосердечно боявшійся, по его же собственному признанію, потерять чистоту съ появленіемъ на фуражкѣ чиновничьей кокарды.

Въ 1859 г. Бакунину разрѣшено было переселиться въ Иркутскъ, подъ крылышко дяди-губернатора.

Жилось Бакунину все же не важно: заѣдалъ его хроническій недугъ—безденежье. Братья его освободили крѣпостныхъ вмѣстѣ съ землею, такъ что и ихъ матеріальное положеніе тоже не ахти было какое.

Но существуетъ еще и другая картина сибирской жизни Бакунина, нарисованная враждебнымъ перомъ Каткова. **) Тотъ увѣряетъ, что въ 1859 г. получилъ отъ Бакунина письмо,

---

*) Виленскаго.
**) См. Моск. Вѣд. 1870, № 4

за которымъ послѣдовало еще нѣсколько посланій чрезъ возвращавшихся ссыльныхъ поляковъ. «Оказалось, что Бакунинъ жилъ въ Сибири не только безъ нужды, но даже въ избыткѣ, ничего не дѣлалъ, а читалъ французскіе романы, но на серьезный трудъ, хотя бы малый, его не хватало. Русскую литературу онъ не обогатилъ своими произведеніями. Въ письмахъ его ко мнѣ проглядывалъ прежній Бакунинъ: отъ него вѣяло хотя и благонамѣреннымъ, но пустымъ и лживымъ фонтазерствомъ... Переписки мы не поддерживали. Послѣднее посланіе получили мы уже въ эпоху варшавскихъ демонстрацій. Прежній Бакунинъ явился предъ нами во всей полнотѣ своего ничуть не поврежденнаго существа. Онъ потребовалъ отъ нашей гражданской доблести присылки ему денегъ, по малой мѣрѣ 6.000 р. Дабы облегчить для насъ это пожертвованіе, онъ дозволилъ намъ открыть въ его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которыхъ, по его разсчету, долженствовало быть не мало. Зачѣмъ же вдругъ и такъ экстренно понадобилась емо вышеозначенная сумма? Вотъ зачѣмъ: однажды его осѣнило сознаніе, что онъ получалъ даромъ жалованье отъ откупщика, у котораго остоялъ на службѣ ничего не дѣлая; онъ вдругъ сообразилъ, что откупщикъ выдавалъ ему ежегодно, въ продолженіи трехъ лѣтъ, по 2.000 р., единственно изъ угожденія генералъ-губернатору. Сознаніе это не давало ему покоя, и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало, возвратить откупщику всю перебранную сумму. Благородный рыцарь, онъ хотѣлъ подаяніемъ уплатить подаяніе, и изъ чужихъ кармановъ возстановить свою репутацію въ мнѣніи откупщика. Мы не могли быть ему полезны и письмо его осталось втунѣ. Но прошло затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы узнали, что Бакунинъ всетаки добылъ сумму, которую потребовалоеь возвратить откупщику, но не возвратилъ» *).

---

*) То что Катковъ называетъ способностью жить на „шереметевскій счетъ“, въ передачѣ Герцена, какъ мы увидимъ, получаетъ совершенно иную окраску, съ которою нельзя не согласиться, проникнувшись полнымъ неумѣніемъ Бакунина дѣлать различіе между понятіями: „мое“ и „твое“. Характерный фактъ въ этомъ отношеніи передаетъ А. Я. Головачева-Панаева (Воспоминанія, стр. 137). Въ бытность ея въ сороковыхъ годахъ заграницею съ мужемъ, она видѣлась съ Бакунинымъ. Одинъ изъ знакомыхъ заочно сталъ укорять Бакунина въ попрошайничествѣ, лишь потому, что тотъ занялъ у него 50 франковъ. „Меня—говоритъ Панаева—это страшно возмутило, по-

Источникъ совершенно противоположнаго характера, именно доживавшій свой вѣкъ въ Сибири декабристъ Поджіо—личность высоко одухотворенная и альтруистическая—тоже указываетъ на нѣкоторую не корректность, въ его глазахъ, Бакунина всячески пользовавшагося будто бы родственными связями съ всемогущимъ Муравьевымъ и возстановившаго тѣмъ самымъ противъ себя прогрессивную часть иркутскаго общества *).

И опять таки мы натыкаемся на свѣдѣнія, увѣряющія насъ, что Бакунинъ дѣятельно работалъ въ Сибири надъ проведеніемъ соціалистическихъ идей, убѣдивъ даже самого Муравьева въ спасительности для Россіи самой широкой децентрализаціи. Вообще историческіе матеріалы о Бакунинѣ—непроходимый лѣсъ: что ни мнѣніе—то что нибудь новое, совершенно противорѣчащее предыдущему, устанавливающее совершенно иную точку зрѣнія на духовный складъ Бакунина.

Но какъ бы то ни было, девятилѣтняго подневольнаго существованія для Бакунина было за глаза довольно, и при первой же возможности онъ «перемѣнилъ участь», выражаясь языкомъ каторги.

Поступивъ на службу къ одной иркутской фирмѣ въ качествѣ коммивояжера, онъ заполучилъ отъ нея свидѣтельство, нужное ему для разъѣздовъ, по дѣламъ коммерческимъ, вдоль по Амуру. Тамъ Бакунинъ нашелъ казенное судно. Онъ, не долго думая, взобрался на него и наговорилъ командиру съ три короба о своихъ разнообразнѣйшихъ порученіяхъ, полученныхъ отъ хозяевъ. Командиръ имѣлъ наивность повѣрить симпатичному торговцу, и согласился исполнить его убѣдительнѣйшую просьбу довезти его до Николаевска, т. е. до устья Амура. Въ Николаевскѣ Бакунинъ самымъ дружескимъ образомъ распростился съ простодушнымъ морякомъ и пересѣлъ на американскій корабль, отплывшій въ Японію, откуда уже не стоило большого труда добраться и до Америки.

тому что всѣ присутствующіе знали, что Бакунинъ сидѣлъ безъ денегъ, отдавъ свои голодному русскому семейству. Онъ заплатилъ долгъ соотечественника, который давно жилъ въ Парижѣ на трудовые гроши, но заболѣлъ, пролежалъ больной два мѣсяца, вслѣдствіе чего задолжалъ и его хотѣли посадить въ тюрьму; тогда жена и дѣти должны были итти просить милостыню". Можно ли это согласовать съ кивками Каткова. Много за Бакунинымъ водилось грѣховъ, но не такого свойства.

*) См. Н. Бѣлоголовый, Воспоминанія.

«Бѣгство Бакунина самое замѣчательное въ географическомъ смыслѣ, ибо одну половину земного шара проѣхалъ онъ въ цѣпяхъ, другую, какъ бѣглецъ, пока не прибылъ въ Европу» *).

Изъ Санъ-Франциско, гдѣ у него нашлись какіе то друзья, Бакунинъ моремъ же направился къ Панамскому перешейку, чтобы оттуда по желѣзной дорогѣ достичь Нью-Іорка. Съ пути онъ пишетъ Герцену письмо, (помѣчено: Тихій океанъ, 400 миль до Панамскаго перешейка) гдѣ сообщаетъ, что жена уже раньше выѣхала изъ Иркутска, направляясь къ его роднымъ чтобы оттуда, получивъ вѣсть о мужѣ, ѣхать къ нему въ Лондонъ. Финансы Бакунина порядочно поистрепались за время путешествія и потому Герценъ можетъ выручить его изъ самаго непріятнѣйшаго положенія, выславъ 500 долларовъ, безъ которыхъ онъ сидитъ, какъ ракъ на мели.

Герценъ, получивъ письмо, задумался и сказалъ Огареву: «я очень боюсь пріѣзда Бакунина, онъ навѣрное испортитъ наше дѣло». Огаревъ былъ того же мнѣнія. Все же Герценъ пришелъ на помощь Бакунину, разыскавъ ему издателя, согласившагося печатать мемуары Бакунина, чего, впрочемъ, тотъ никогда и не подумалъ сдѣлать, несмотря на полученный авансъ.

Бакунинъ явился прямо къ Герцену, принявшему съ распростертыми объятіями своего стараго пріятетеля.

Быстро онъ вошелъ въ дѣло редактированія знаменитаго «Колокола», и своею необузданностью, нежеланіемъ сдерживаться въ рамкахъ, также быстро убилъ его необыкновенную до того популярность.

Закусивъ удила Бакунинъ принялся работать во всю на

---

*) Многими бѣгство Бакунина встрѣчено было несочувственно. Вышеупомянутый Поджіо, знавшій хорошо Бакунина въ сибирскій періодъ жизни его, высказывался довольно рѣзко, что „поступокъ Михаила Александровича ничѣмъ не извиняется; такое нарушеніе всѣхъ обязательствъ не можетъ оправдываться никакими изворотами, въ какія бы формы онъ ихъ ни облекалъ; платить за слѣпое довѣріе такою эгоистическою неблагодарностью—преступно; оставить бѣдную молодую женщину на произволъ среди искушеній, подвергнуть отвѣтственности столько лицъ, оказавшихъ ему такое участіе, все это врядъ ли даетъ ему довольно смѣлости искать встрѣчи съ Муравьевымъ". (Н. Бѣлоголовый. Воспоминанія).

Да и самъ Бакунинъ сознавался, что „хоть и совѣстно, а пришлось и друзей обмануть, чтобы вырваться на волю". (Н. Огарева-Тучкова. Воспоминанія).

нивѣ революціи. Цѣлый рой разномастныхъ славянъ окружилъ Бакунина, едва онъ успѣлъ прибыть въ Лондонъ.

«Тутъ были чехи, отъ литератора Фрича до музыканта, называвшагося Наперсткомъ, сербы, которые просто величались по батюшкѣ Іоановичъ, Даниловичъ, Петровичъ; были валахи, состоявшіе въ должности славянъ, наконецъ, былъ болгаринъ, лекарь въ турецкой арміи, и поляки всѣхъ епархій; демократы безъ соціальныхъ идей, но съ офицерскимъ оттѣнкомъ; соціалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты хотѣвшіе подраться гдѣ-нибудь въ Сѣверной или въ Южной Америкѣ, и преимущественно въ Польшѣ».

«Отдохнулъ съ ними Бакунинъ за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, оставшіяся у него свободными, онъ бросался за свой письменный столъ, расчищалъ небольшое мѣсто отъ золы, и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ въ Семипалатинскъ, въ Бѣлградъ, въ Царьградъ, въ Молдавію и Бѣлокриницу. Середь письма онъ бросалъ перо и приводилъ въ порядокъ какого нибудь отсталаго далмата, и, не кончивши своей рѣчи, схватывалъ перо и продолжалъ писать.

Дѣятельность его, праздность, аппетитъ, и все остальное, какъ гигантскій ростъ и вѣчный потъ, все было не по человѣческимъ размѣрамъ, какъ онъ самъ; а самъ онъ—исполинъ, съ львиной головой, съ всклокоченной гривой. Онъ свято сохранилъ всѣ привычки и обычаи родины, т. е. студенческой жизни: груды табаку лежали на столѣ въ родѣ приготовленнаго фуража, зола сигаръ надъ бумагами съ недопитыми стаканами чая; съ утра дымъ столбомъ ходилъ по комнатѣ отъ цѣлаго хора курильщиковъ, курившихъ точно въ запуски, торопясь, задыхаясь, затягиваясь, словомъ, такъ, какъ курятъ одни русскіе и славяне».

Во взглядахъ на польскій вопросъ, такъ интересовавшій русское общество, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Герценъ расходился съ Бакунинымъ. Первый, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ естественному желанію поляковъ обезпечить себѣ внутреннее самоуправленіе, предостерегалъ ихъ въ то же время отъ гибельнаго влеченія къ сепаратизму, доказывая, что автономное польское государство, поставленное въ самыя неудобныя гео-

графическія условія, врѣзавшееся клиномъ между территоріями трехъ великихъ державъ, не сможетъ поддержать свою независимость, и быстро исчезнетъ, какъ политическая единица.

А Бакунинъ совершенно не признавалъ глубоко обдуманныхъ пріемовъ Герцена, искренно симпатизировавшаго Польшѣ, но не признававшаго польскаго возстанія 1861 г., какъ движенія лишеннаго демократической подкладки, и опиравшагося исключительно на аристократію и духовенство. Бакунинъ видѣлъ въ освобожденіи Польши первый шагъ къ осуществленію его завѣтной мечты о славянскомъ дѣлѣ.

Бакунинъ валилъ на проломъ. Польское движеніе, отчаянное, рисковое, все сотканное изъ порывовъ, давало ему возможность вложить въ него накопившійся запасъ активности, бодрости, казалось, неисчерпаемой. Нужно считаться съ такою неуравновѣшенностью психики Бакунина, нужно понимать особый недугъ Бакунина, его «революціонный запой».

«Бакунинъ помолодѣлъ, онъ былъ въ своемъ элементѣ— добродушно замѣчаетъ Герценъ.—Онъ любилъ не только ревъ возстанія, и шумъ клуба, площади и баррикадъ, онъ любилъ также и приготовительную агитацію, эту возбужденную, и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспирацій, консультацій, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификацій, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ».

Бакунинъ не могъ не видѣть своимъ свѣтлымъ умомъ всей розни, лежавшей между нимъ и вожаками движенія— сплошною иосредственностью. Но они, т. е. люди, какъ бы не существовали для него, совершенно затертые величіемъ идеи. Да и тѣ несомнѣнно чувствовали себя неважно въ общеніи съ «свирѣпою личностью», какъ аттестовалъ Бакунина историкъ-министръ Гизо, но заискивали предъ нимъ, какъ силою и крупнымъ авторитетомъ въ европейскомъ революціонномъ мірѣ, не понимая въ то же время его птичьяго полета, съ котораго Бакунинъ смотрѣлъ на дѣла земныя, зачастую ошибаясь въ ихъ сути и размѣрахъ принимая «пятый мѣсяцъ беременности за девятый».

Увлеченіе «польщизною» не мѣшало однако Бакунину зорко стоять на стражѣ интересовъ Бѣлоруссіи, Литвы и Украйны, на которыя такъ зарились поляки, всячески комментировавшіе историческія границы Рѣчи Посполитой, и упорно остаивать

необходимость предоставленія этимъ областямъ широкаго самоопредѣленія.

Страстность, захватывающій потокъ діалектическаго таланта Бакунина, сбили Герцена съ его позиціи. Прежній, выдержанный тонъ «Колокола» смѣнился самыми радикальными нотками, издавая звуки чисто польскаго тембра. Это то и погубило огромную репутацію «Колокола», какъ органа радѣвшаго о пользѣ Россіи.

Играніе въ руку польскимъ замысламъ, не знавшимъ себѣ границъ, русское общество, сочувствовавшее доселѣ Герцену—считало дѣломъ непатріотическимъ. Въ польское дѣло Герценъ увѣровалъ, увѣровалъ сердцемъ, а оно оказалось мыльнымъ пузыремъ и обмануло его. Герценъ преклонялся предъ богатствомъ прошлаго Польши, онъ съ завистью признавалъ, что идеалъ поляковъ былъ за ними, они шли къ своему прошедшему, насильственно срѣзанному... У нихъ была бездна мощей, а у насъ пустая колыбель.

Вотъ такой то политическій сентиментализмъ, подсказавшій Бакунину и К°. необходимость загладить свои прежнія вины предъ Польшею, эффектными вспышками заставившій заткнуть уши предъ тусклыми доводами разсудка, и вышвырнулъ «Колоколъ» изъ колеи и разметалъ его клочья по бѣлусвѣту.

Худо ли, хорошо, но возстаніе шло. Друзья поляковъ старательно подбрасывали полѣнья въ лондонскую топку, бурно кипѣлъ варшавскій котелъ. Всюду шнырявшіе агенты «жонда нородоваго»,—временного правительства,—усердно распускали слухи о массовыхъ проявленіяхъ солидарности революціонному дѣлу среди даже русской арміи, съ часу на часъ готовой протянуть руку помощи братьямъ-полякамъ.

Удивительно, что Бакунинъ, рыцарь голытьбы, страстный поклонникъ идей деклассированности, не могъ разобрать вылощенной барской руки въ возстаніи, обреченномъ на крахъ въ силу непричастности польскаго мужика. Да и цѣли были самыя специфическія, но Бакунинъ шелъ съ закрытыми глазами, не видя, или не желая видѣть, что ему тутъ не мѣсто.

Но зато Бакунинъ видѣлъ явное недовѣріе Герцена къ вожакамъ движенія, упорно замалчивавшихъ вопросъ о будущемъ положеніи крестьянъ,—больномъ мѣстѣ Герцена, постоянно старавшагося устранить всякія сомнѣнія на этотъ счетъ. Бакунинъ

неоднократно корилъ Герцена, указывая на оскорбительность якобы для поляковъ его сомнѣнія въ ихъ искренности.

Небезинтересно будетъ сказать нѣсколько словъ о фантастической морской экспедиціи въ Россію, затѣянной при ближайшемъ участіи Бакунина, и подъ предводительствомъ отчаяннаго головорѣза, нѣкоего Липинскаго. Пріѣхавъ съ Кавказа, гдѣ онъ дѣятельно агитировалъ среди горцевъ, Липинскій явился въ Лондонъ съ особымъ посольствомъ, цѣлью котораго было просить о британской помощи. Дипломатія упорно молчала и миссія Липинскаго лопнула. Въ Лондонѣ онъ столкнулся съ эмиссарами повстанья и тѣ придумали использовать кондотьерскія способности браваго пана полковника, всегда готоваго сунуться въ любую безумную авантюру, не разбирая знамени, прикрывающаго ее. Порученіе, данное Липинскому, было такого сорта.

Подвозъ боевыхъ припасовъ въ Польшу сухопутьемъ затруднялся строгостью таможенъ, поэтому придумали организовать таковой со стороны Балтійскаго моря, примыкавшаго къ Литвѣ, гдѣ уже бродили косиньеры *). Разыскали пароходъ, экипажъ, офицеровъ, не хватало предводителя. Почему бы не быть имъ Липинскому? Тотъ подумалъ—подумалъ и согласился. Составъ добровольческаго отряда, предназначеннаго для дессанта, отличался не малою пестротою, въ числѣ его были: девять отставныхъ польскихъ офицеровъ, одинъ докторъ, одинъ бывшій типографъ, два аптекаря, пять иностранцевъ-офицеровъ, сто сорокъ одинъ человѣкъ рядовыхъ всевозможнѣйшихъ національностей, вплоть до малайцевъ и кафровъ. Русское правительство узнало, что Бакунинъ режиссируетъ какую-то новую комедію, которая можетъ все же окончиться кровью, и командированный имъ агентъ втерся къ Липинскому. Предъ самымъ отплытіемъ зафрахтованнаго парохода, неожиданно появился около устья Темзы военный русскій корветъ, весьма внушительно уставившись пушечными жерлами Липинскій бросился за совѣтомъ къ жившему тогда въ Лондонѣ Маццини **). Тотъ научилъ Липинскаго развѣдать, нѣтъ ли среди экипажа русскаго судна иностранцевъ, и притомъ любящихъ „металла звонъ“. Такой нашелся среди машинной команды, 60 фунтовъ стерлин-

*) Повстанческіе отряды, вооруженные косами.

**) Извѣстный итальянскій революціонеръ, человѣкъ рѣдкаго ума и энергіи. Пользовался онъ въ Европѣ громаднымъ уваженіемъ.

говъ попали какимъ то образомъ въ механизмъ корвета и тотъ принужденъ былъ чиниться, а Липинскій торжественно вышелъ изъ гавани, направляясь къ шведскимъ берегамъ, гдѣ долженъ былъ его встрѣтить неутомимый Бакунинъ, взявшійся позондировать настроеніе сосѣдей скандинавовъ, очень важное для успѣха экспедиціи. Бакунинъ въ Швеціи не сидѣлъ сложа руки. Онъ успѣлъ уже наладить цѣлую систему доставки въ Россію революціонной контрабанды, чрезъ Финляндію. Кромѣ того, Бакунинъ, принятый въ аудіенціи братомъ короля, перевидавшійся со всѣми министрами и вліятельными лицами, ловко воспользовался сочувствіемъ къ борющейся Польшѣ, и, какъ опытный агитаторъ, создалъ самую благопріятную атмосферу. Пароходъ прибылъ. Капитанъ его категорически отказался плыть далѣе, сославшись на слухъ о крейсированіи въ Балтикѣ русскихъ судовъ, совѣтуя итти къ Копенгагену и разузнать тамъ по подробнѣе о русскомъ флотѣ. Поѣхали туда. Бакунинъ былъ на бортѣ. Изъ Даніи ихъ уговорили опять плыть въ Швецію, сославшись на нейтралитетъ.

Пропутавшись зря по различнымъ портамъ, куда водилъ капитанъ, очевидно измѣнившій, прибыли, наконецъ, въ Мальме. Встрѣтили ихъ съ полною помпою. Липинскій отказался съѣхать на берегъ, раздраженный неудачей, кляня себя за согласіе впутаться въ безтолковое предпріятіе. Высадился Бакунинъ, торжественно парадировалъ на митингахъ и банкетахъ, пѣлъ гимны, возглашалъ тосты, говорилъ о великихъ задачахъ революціи, но дѣло не спорилось. Шведы слушали громовыя рѣчи, охали да ахали, удивляясь жестокости русскаго некультурнаго правительства, но активной помощи не давали. А тутъ кахъ на грѣхъ пріѣхавшіе съ моря рыбаки сообщили о скоромъ появленіи андреевскаго флага. Дикое предпріятіе рушилось самымъ дикимъ образомъ. Военный глазъ Липинскаго не могъ не видѣть, что набранныя вояки ни къ чорту не годятся, царила полная безтолочь, деньги истощились. Бакунинъ опять направился въ Стокгольмъ добывать денегъ, а опереточный „жондъ“ кипятился, требуя, чтобы Липинскій добрался до Литвы хоть вплавь, хоть съ десяткомъ волонтеровъ. Судно стояло въ Мальме, пока шведамъ не надоѣло возиться съ докучливыми гостями. Липинскій получилъ, наконецъ, „на выѣздъ“ двѣ тысячи талеровъ. Дѣлать нечего, пропѣли „niech zyie Polska“ и поѣхали пытать счастья. Высадиться около

Мемеля, въ Пруссіи, какъ проектировалъ Липинскій, не удалось Изрядный шквалъ потрепалъ старую посудину, обнаружилась течь, половина пассажировъ перетонула. Осыпая градомъ проклятій иниціаторовъ поѣздки, Липинскій плюнулъ ва весь планъ, и вернулся въ Швецію. Но тамъ быстро ликвидировали аферу: шведскій фрегатъ забралъ остатки плачевной экспедиціи, ихъ оружіе, всѣ пожитки и отвезъ въ Лондонъ. Такъ все и окончилось.

Въ Стокгольмѣ Бакунинъ по какому-то поводу всталъ въ натянутыя отношенія съ находившимся тамъ старшимъ сыномъ Герцена, повздорилъ съ нимъ и вернулся въ Лондонъ.

Его ждалъ сюрпризъ: явилась жена. Все это время она жила въ деревнѣ Бакуниныхъ. Тѣ относились къ невѣсткѣ очень хорошо, выхлопотали ей заграничный паспортъ и снабдили средствами на дорогу къ мужу. Антонія Ксаверьевна, очень молодая, очень красивая, очень наивная особа, дѣтски искренно разсказывала, что ей больше нравился одинъ иркутскій докторъ, но она предпочла выйти замужъ за Бакунина, потому что „онъ былъ герой и всегда стоялъ за Польшу". Въ качествѣ ревностной патріотки Бакунина всегда носила трауръ по своемъ погибшемъ отечествѣ. Герценъ объяснялъ женитьбу бездомнаго Бакунина просто скукою сибирской жизни.

Скоро на польское дѣло пришлось окончательно махнуть рукою. Эгоистическія, мелочныя пререканія вожаковъ, ихъ неумѣлость поднять пассивное коренное населеніе, безтактное поведеніе ихъ агентовъ въ Зап. Европѣ, а также, паническій страхъ наведенный безпощадною диктатурою Муравьева—Виленскаго, вызвали прекращеніе вооруженнаго возстанія.

Бакунинъ опять сосредоточилъ свое вниманіе на развитіи революціонной пропаганды въ центральной Россіи. Опять пошли сношенія съ различными организаціями и отдѣльными лицами, относительно которыхъ Бакунинъ обнаруживалъ безоглядную довѣрчивость.

Явился, напримѣръ, въ Лондонъ агентъ отъ существовавшей тогда въ Россіи партіи „Земли и Воли". Герценъ пожелалъ знать приблизительное количество членовъ, чтобы имѣть понятіе о степени ея распространенности. Отвѣтъ получился уклончивый: „эго, видите ли, сказать трудно,—нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ, и тысячи три въ провинціи". Послѣ его ухода Герценъ спросилъ Огарева, присутствовавшаго при разговорѣ, вѣритъ ли тотъ сказанной цифрѣ.

Огаревъ промолчалъ, а Бакунинъ немедленно принялся поддерживать агента, говоря, что если тотъ и прибавилъ, то это ничего: нѣтъ теперь столько, такъ будетъ потомъ.

Въ средствахъ для пропаганды и выборѣ людей—Бакунинъ мало стѣснялся. На этой почвѣ возникали иногда довольно комическіе инциденты, улаживать которые приходилось Герцену. У него, напримѣръ, такую недурную иллюстрацію пріемовъ Бакунина *):

«—Вчера—говоритъ Бакунину одинъ изъ его друзей—пріѣхалъ изъ Россіи такой то, прекраснѣйшій человѣкъ, бывшій офицеръ.

— Я слыхалъ о немъ, его очень хвалили.

— Можно его привести?

— Непремѣнно, да что привести, гдѣ онъ. Сейчасъ.

— Онъ, кажется, нѣсколько конституціоналистъ.

— Можетъ быть но...

— Но я, знаю, рыцарски отважный и благородный человѣкъ.

— И вѣрный?

— Его очень уважаютъ въ Orsett hous'ѣ *).

— Идемъ.

— Куда же? Вѣдь онъ хотѣлъ къ вамъ придти, мы такъ сговорились, я его приведу.

Бакунинъ бросается писать; пишетъ, перемарываетъ кой-что, переписываетъ и печатаетъ пакетъ, адресуемый въ Яссы; въ безпокойствѣ ожиданія начинаетъ ходить по комнатѣ ступней, отъ которой и весь домъ ходитъ ходенемъ съ нимъ вмѣстѣ.

Является офицеръ скромно и тихо. Бакунинъ говоритъ какъ товарищъ, какъ молодой человѣкъ, увлекаетъ, журитъ за конституціонализмъ, и вдругъ спрашиваетъ:

— Вы, навѣрно, не откажетесь сдѣлать что нибудь для общаго дѣла?

— Безъ сомнѣнія.

— Васъ здѣсь ничего не удерживаетъ?

— Ничего; я только-что пріѣхалъ, я...

— Можете выѣхать завтра послѣ завтра, съ этимъ письмомъ въ Яссы?

---

*) Сочиненія, Т. 3., стр. 490.

*) Домъ Герцена.

Этого не случалось съ офицеромъ ни въ дѣйствующей арміи во время войны, ни въ генеральномъ штабѣ; однако, привыкнувшій къ военному послушанію, онъ, помолчавши, говоритъ не совсѣмъ своимъ голосомъ:

— О, да!

— Я такъ и зналъ. Вотъ письмо совсѣмъ готовое.

— Да, я хоть сейчасъ, только... (офицеръ конфузится) я никакъ не разсчитывалъ на эту поѣздку.

— Что? денегъ нѣтъ? Ну такъ и говорите. Это ничего не значитъ. Я возьму для васъ у Герцена, вы ему потомъ отдадите. Что тутъ, всего... всего какіе-нибудь 20 фунтовъ. Я сейчасъ ему напишу. Въ Яссахъ вы деньги найдете. Оттуда проберетесь на Кавказъ. Тамъ намъ особенно нуженъ вѣрный человѣкъ.

Пораженный, удивленный офицеръ, какъ равно и его спутникъ уходятъ. Маленькая дѣвочка, бывшая у Бакунина на большихъ дипломатическихъ посылкахъ, летитъ ко мнѣ по дождю и слякоти съ запискою.

— Скажите высокому gentleman'у, что я лично съ нимъ переговорю.

Дѣйствительно, переписка оказывается излишней.

Къ обѣду, т. е. черезъ часъ, является Бакунинъ!

— Зачѣмъ 20 фунтовъ для N?

— Не для него, а для дѣла; а что, братъ, N прекраснѣйшій человѣкъ!

— Я его знаю нѣсколько лѣтъ. Онъ бывалъ прежде въ Лондонѣ.

— Это такой случай, пропустить его грѣшно, я его посылаю въ Яссы. Да потомъ онъ осмотритъ Кавказъ.

— Въ Яссы? и оттуда на Кавказъ?

— Ты пойдешь сейчасъ острить, Каламбурами ничего не докажешь.

— Да вѣдь тебѣ ничего не нужно въ Яссахъ!

— Ты почему знаешь?

— Знаю, потому, во-первыхъ, что никому ничего не нужно въ Яссахъ, а во-вторыхъ, еслибы нужно было, ты недѣлю бы постоянно мнѣ говорилъ объ этомъ. Тебѣ просто попался человѣкъ молодой, застѣнчивый, хотящій доказать свою преданность, ты и придумалъ послать его въ Яссы. Ну скажика, зачѣмъ?

— Какой любопытный! Ты въ эти дѣла со мной не входишь, какое же ты имѣешь право спрашивать?

— Это правда, я даже думаю, что ты этотъ секретъ скроешь ото всѣхъ; ну, а только денегъ давать на гонцовъ въ Яссы я нисколько не намѣренъ.

— Вѣдь онъ отдастъ, у него деньги будутъ.

— Такъ пусть умнѣе употребитъ ихъ; полно, полно, письмо пошлешь въ другой разъ, а теперь пойдемъ ѣсть.

И Бакунинъ, самъ смѣясь и качая головой, которая его все-таки перетягивала, внимательно и усердно принимался за трудъ обѣда, послѣ котораго всякій разъ говорилъ: «теперь настала счастливая минута», и закуривалъ папиросу».

„Онъ принималъ всѣхъ, всегда, во всякое веемя. Часто онъ еще, какъ Онѣгинъ, спалъ или ворочался на постели, которая хрустѣла, а ужъ два—три славянина въ его комнатѣ съ отчаянной торопливостью курили; они тяжело вставалъ, обливался водой и въ ту же минуту принимался ихъ поучать; никогда не скучалъ онъ, не тяготился ими; онъ могъ, не уставая, говорить со свѣжей головой съ самымъ умнымъ и самымъ глупымъ человѣкомъ».

Отъ этой неразборчивости выходили иногда пресмѣшныя вещи.

Бакунинъ вставалъ поздно: нельзя было иначе и сдѣлать, употребляя ночь на бесѣду и чай

«Разъ часу въ одиннадцатомъ, слышитъ онъ, кто то копошится въ его комнатѣ. Постель его стояла въ большомъ альковѣ, задернутомъ зановѣсью.

— Кто тамъ?—кричитъ Бакунинъ просыпаясь.

— Русскій.

— Ваша фамилія?

— Такой-то.

— Очень радъ,

— Что это вы такъ поздно встаете, а еще демократъ.

...Молчаніе... слышенъ плескъ воды, каскады.

— Михаилъ Александровичъ!

— Что?

— Я васъ хотѣлъ спросить, вы вѣнчались въ церкви?

— Да.

— Нехорошо сдѣлали. Что за образецъ непослѣдовательности. Вы, старики, должны насъ учить примѣромъ?

— Что вы за вздоръ несете.

— Да вы скажите, по любви женились?

— Что это вы допрашивать меня пришли? Ступайте къ чорту.

— Ну вотъ вы и разсердились, а я, право, отъ чистой души. Прощайте. А я все-таки зайду.

— Хорошо, хорошо; только будьте умнѣе».

Революціонная дѣятельность, окончательно затянувшая Бакунина, отвлекшая его отъ всѣхъ другихъ цѣлей, и примѣненія таланта и познаній, свела его работоспособность въ матеріальномъ смыслѣ къ нулю. Заработокъ за границею не удавался, средствъ своихъ не было, какія то странныя отношенія съ родными лишали Бакунина поддержки изъ дому. Между друзьями Бакунина одно время образовалась своего рода коалиція для субсидированія его. Тургеневъ, рѣдко видавшійся съ Бакунинымъ, но сохранившій къ нему теплую привязанность, въ письмѣ къ Герцену, отъ 25 января 1862 г. перечисляетъ всѣ источники, которые можно открыть для Бакунина, соглашаясь съ своей стороны ассигновать ему по полторы тысячи франковъ въ годъ *). Впослѣдствіи, когда Тургеневъ окончательно порвалъ съ Бакунинымъ, послѣдній все-же изрѣдка получалъ отъ своего прежняго друга ту или другую сумму денегъ. Да и немного въ сущности надо было Бакунину.

«Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ рѣшительно тотъ же кочующій студентъ съ Маросейки, тотъ же бездомный Bohemièn съ rue de Bourgogne, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, пренебрегая деньгами, бросая ихъ, когда есть, занимая ихъ безъ разбора направо и налѣво, когда ихъ нѣтъ, съ той простотой, съ которой онъ самъ отдаетъ послѣднія деньги всякому, отдѣливъ отъ нихъ, что слѣдуетъ на сигареты и чай. Его этотъ образъ жизни не тѣснилъ; онъ родился быть великимъ бродягою, великимъ бездомникомъ. Если бъ его кто-нибудь спросилъ окончательно, что онъ думаетъ о правѣ собственности, онъ могъ бы сказать то, что отвѣчалъ Лаландъ Наполеону о Богѣ: «Sire, въ моихъ занятіяхъ я никогда не встрѣчалъ никакой необходимости въ этомъ».

---

*) А въ одномъ изъ писемъ того же Тургенева къ Бакунину видно, что Бакунинъ успѣлъ ему какимъ то образомъ насолить, чему, впрочемъ, Тургеневъ и не былъ удивленъ, зная замашки Бакунина.

Полная невоздержанность Бакунина, много-много повредившая и ему самому и находившимся съ нимъ въ сношеніяхъ, сказалась, между прочимъ и въ одномъ характерномъ эпизодѣ его лондонской жизни.

Дѣло въ томъ, что редакція «Колокола» съ нѣкотораго времени обратила сугубое вниманіе на русское старообрядчество, какъ организацію весьма важную и по численности и по сплоченности. Издавна замѣчавшійся въ расколѣ духъ рѣзкой оппозиціи правительству, полное недовольство общественнымъ укладомъ, отрицаніе законности власти,—все это давало революціонной русской эмиграціи поводъ считать раскольничій міръ своимъ надежнымъ союзникомъ въ общей борьбѣ. «Колоколъ» начинаетъ завязывать сношенія съ выдающимися дѣятелями старообрядчества, дѣйствуя главнымъ образомъ чрезъ умнаго и талантливаго безпокойнаго русскаго человѣка, В. П. Кельсіева, вѣчно носившагося съ планами распространенія особаго христіанскаго соціализма на строго аскетической почвѣ, начавшаго безбрежнымъ радикализмомъ и покончившаго отступленіемъ по всему фронту. Знатокъ раскола, составитель нашумѣвшаго въ свое время «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ», Кесьсіевъ съумѣлъ зазвать въ Лондонъ старообрядческаго епископа Пафнутія, который и долженъ былъ войти въ соглашеніе съ «Колоколомъ» относительно тактики давленія на правительство, съ цѣлью добиться облегченія стѣсненнаго суровыми законами старообрядчества. Предполагалось даже завести въ Лондонѣ подъ эгидою Герцена особое училище для образованія будущихъ миссіонеровъ «старой вѣры», и оборудовать типографію для нуждъ раскольничьей литературы. Пріѣхалъ Пафнутій въ Лондонъ, толковалъ съ Герценомъ, развитъ былъ цѣлый планъ кампаніи, но въ концѣ концовъ дѣло окончилось ничѣмъ. Но интересно отмѣтить крайне расхолаживающую роль, сыгранную здѣсь Бакунинымъ. Уже при первой встрѣчѣ Бакунинъ произвелъ на суроваго, не словоохотливаго, «себѣ на умѣ» раскольника тяжелое впечатлѣніе своею неумѣстною рѣзкостью въ выраженіяхъ.

«Вечеромъ въ крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей комнатѣ. Вдругъ онъ слышитъ, какъ кто то, распѣвая густымъ басомъ: «во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи», тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой то незнакомецъ, сопровождаемый Кель-

сіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумленнаго Пафнутія: это былъ самъ Бакунинъ. Его наружность, грубая безцеремонность и это распѣваніе священной пѣсни, которымъ онъ какъ будто хотѣлъ скрасить свой первый визитъ къ старообрядцу, но въ которомъ слышалось невольно кощунство, все это подѣйствовало на Пафнутія весьма непріятно».

Вскорѣ выяснилось, что популярный у старообрядцевъ инокъ Алимпій, когда-то дѣйствовалъ въ качествѣ соратника Бакунина на пражскихъ баррикадахъ. Бакунинъ, ни мало не смущаясь, написалъ цѣлую статью въ «Колоколъ», гдѣ дѣлился съ читающею публикою своими воспоминаніями о пражской баталіи при участіи раскольничьяго монаха. Пафнутій перепугался. Такая неумѣстная откровенность могла изрядно скомпрометировать старообрядческое дѣло. Большого труда стоило Пафнутію воспрепятствовать напечатанію опасной статьи. Однажды Пафнутій не выдержалъ и поставилъ на видъ Бакунину его излишнюю болтливость. Герценъ и его друзья, уважая предубѣжденіе старообрядцевъ противъ куренья, воздерживались при немъ, уходя покурить въ сосѣднюю комнату. Въ свою очередь Пафнутій, не желая стѣснять «табашниковъ» попросилъ не обращать вниманіе на его присутствіе, и тутъ то Бакунинъ разразился нетактичною выходкою, своимъ, сопровождаемымъ громкимъ смѣхомъ, восклицаніемъ: «ну, значитъ, благословилъ»! Тогда Пафнутій строго и внушительно замѣтилъ, что одно дѣло терпѣть непозволительный обычай, и другое—благословлять его. Бакунинъ прикусилъ языкъ *).

Скоро Бакунинъ съ женою уѣхалъ изъ Англіи въ Италію, поселившись во Флоренціи. Кое-какія подробности о флорентійской его жизни мы имѣемъ отъ одного изъ его тогдашнихъ пріятелей, Льва Ильича Мечникова, виднаго работника соціализма, коротко извѣстнаго самому Гарибальди, какъ ратоборецъ за свободу народовъ, наконецъ, автора крупной, европейски-громкой научной работы («La civilisation et les grandes fleuves historiques»). Въ началѣ 1864 г. Мечниковъ часто бывалъ въ домѣ Бакунина, пожелавшаго познакомиться съ интереснымъ русскимъ, заброшеннымъ въ Италію.

---

*) „Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій". Р. Вѣстн. 1867, т. 2, стр. 712.

Непривѣтливо отзывается Мечниковъ о Бакунинѣ. Съ первой же встрѣчи Мечниковъ почувствовалъ какую-то неловкость при общеніи съ прославленнымъ революціонеромъ.

«Является опасеніе—повѣдалъ Мечниковъ,—что этотъ необыкновенный человѣкъ, какъ бы ни спускался онъ осмотрительно и любезно съ своего пьедестала, того и гляди пребольно наступитъ на ногу и самъ не замѣтитъ этого,—не по желанію придавить, а просто по непривычкѣ ходить по свойственной намъ низменной почвѣ. Съ своей стороны, чувствуешь сразу, что у этихъ людей есть такой заповѣдный уголокъ, въ который строго воспрещается проникать обычнымъ критическимъ пріемамъ и отношеніямъ, передъ входомъ въ который должно складывать всякій скептицизмъ, какъ башмакъ у дверей мечети» *).

Манерничанья въ Бакунинѣ не было никогда, свои тяжелыя раны, полученныя имъ за свою полную невзгодъ жизнь, онъ никогда не выставлялъ напоказъ, но они непрошенно выдвигались впередъ, создавая Бакунину ореолъ мученика, ни на минуту не замышлявшаго ренегатство, но всегда готоваго громко и рѣшительно заявить свое credo.

Въ многочисленномъ и разномастномъ обществѣ, окружавшемъ Бакунина во Флоренціи, преимущественно изъ оппозиціи всякихъ возрастовъ и всякихъ странъ, особенно бросался на глаза одинъ изъ его соотечественниковъ, нѣкто Ножинъ. Это была личность замысловатая, продуктъ времени и направленія, взлелѣянный нигилизмомъ. Лицеистъ по образованію Ножинъ, рано порвалъ съ аристократическою роднею, и забросилъ мечты о карьерѣ. До фанатизма преданный собственной, крайне запутанной теоріи будущихъ грандіозныхъ переворотовъ, долженствующихъ совершенно измѣнить всѣ условія человѣческаго существованія, Ножинъ весь горѣлъ процессомъ мучительнаго кипѣнія въ погонѣ за вѣковѣчною истиною, принимавшею подчасъ самыя фантастическія очертанія въ его больномъ воображеніи. Ножинъ сильно привязался къ Бакунину и въ то же время почти ненавидѣлъ его. То что ему казалось расплывчатымъ, висящимъ въ воздухѣ, боящимся неосторожнаго дуновенія вѣтерка, для Бакунина давно уже успѣло отлиться въ математически точную формулу, съ вполнѣ опредѣленнымъ и выполнимымъ методомъ повѣрки. Безконечные

*) Истор. Вѣстн. 1897, № 3.

споры между магистромъ революціи и кандидатомъ ея, выводили изъ терпѣнія Бакунина, сильно раздражавшагося болѣзненными стремленіями Ножина пошатнуть устойчивыя, словно гранитный монолитъ, его систему.

Способность подавлять все окружающее свидѣтельствуетъ также и Анджело де Губернатисъ, одно время совершенно подпавшій подъ всесокрушающую власть «великаго змія», но все же имѣвшій достаточно силы въ концѣ концовъ уйти отъ вліянія очаровывающаго гипноза.

Какъ разъ въ это время Бакунинъ организовалъ «съѣздъ соціальной демократіи», имѣвшей цѣлью провозгласить гибельность для мыслящаго человѣчества существующихъ формъ государственности. Вотъ пристать къ этимъ то задачамъ и принудилъ Бакунинъ Губернатиса, совершенно преклонившагося предъ мощностью убѣжденій «спасителя міра» даже дошедшаго было до полнаго сознанія «гнусности своей прежней жизни», безполезности всякой службы. Губернатисъ оставилъ профессуру и сдѣлался ревностнымъ адептомъ Бакунина. Союзъ просуществовалъ однако не долго, убитый малочисленностью членовъ, совершенно не признававшихъ къ тому же партійной дисциплины.

Ярко атеистическая тенденція его вождя, прежде не замѣчавшаяся въ Бакунинѣ, дала поводъ Тургеневу обмѣняться съ Герценомъ мнѣніемъ по поводу эволюціи Бакунинской мысли и въ этой сферѣ.

«Послѣдній разъ, когда я видѣлъ его въ Лондонѣ—вспоминаетъ Тургеневъ,—Бакунинъ еще вѣрилъ въ личнаго Бога, и въ бесѣдѣ со мною, на старый романтическій ладъ, когда мы бродили по залитымъ луннымъ свѣтомъ улицамъ, старался онъ отвлечь тебя отъ невѣрія».

Въ 1865 г. Бакунинъ затѣялъ уже новое сообщество, который извѣстный историкъ соціализма Малонъ склоненъ считать основнымъ ядромъ будущаго «Интернаціонала». Въ основныхъ чертахъ программа Бакунина уже представляла полное воплощеніе категорическаго анархизма *).

---

*) ..Le programme du grand révolutionnaire russe, publié dans „Justizia et Libertà“, avait beacoup de points communs avec le testament récemment publié de Pisacune... Bakounine résumait son programme dans ces mots: abolition de l'état dans toutes ses réalisations réligieuses, juridiques, politiques et sociales, réorganisation par la libre initiative des individus libres dans les groupes libres. C'était la formule de ce qui est devenu plus tard l'anarchisme.

M. Malon, L'internationale.

„La nouvelle revue“ 1884, p. 751.

Въ сентябрѣ 1867 г. на женевскомъ конгрессѣ такъ называемой «лиги мира и свободы» появился и Бакунинъ, быстро занявшій мѣсто члена генеральнаго совѣта. Онъ-то и обратилъ вниманіе лиги на поднимавшееся тогда во весь ростъ дѣтище Карла Маркса «международное общество рабочихъ». Бакунинъ вызвался склонить «Интернаціоналъ» къ сліянію съ «лигою», дабы избѣжать гибельнаго дробленія силъ, съ условіемъ, чтобы рабочіе поддерживали буржуазію въ политической борьбѣ за свободу, а послѣдняя въ свою очередь оказывала полное содѣйствіе пролетаріату въ освобожденіи трудящихся классовъ отъ экономическаго рабства.

Хотя соглашенія по всѣмъ пунктамъ и не удалось достичь, все же «Интернаціоналъ» послалъ делегацію на конгрессъ лиги. А въ іюлѣ 1868 г. Бакунинъ и самъ вступилъ въ «Интернаціоналъ», принятый членомъ центральнаго женевскаго отдѣленія*). На конгрессѣ лиги крайняя соціалистическая программа Бакунина была принята лишь тридцатью голосами изъ ста десяти присутствовавшихъ; меньшинство это не замедлило выйти изъ состава лиги, образовавъ отдѣльное общество, тайнаго характера, подчиненное особому незримому комитету, гдѣ диктаторствовалъ Бакунинъ. «Интернаціоналъ» отказался отъ всякой солидарности съ отщепенцами, указывая на нежелательность таинственности въ такомъ имѣющемъ громадное общественное значеніе дѣлѣ.

Изрядна подкосилъ репутацію Бакунина начавшійся въ это время въ Россіи процессъ Сергѣя Нечаева**); для уясненія участія въ немъ Бакунина необходимо нѣсколько освѣтить всю эту исторію.

Нечаевъ, сынъ священника, нѣкогда учительствовалъ въ Петербургѣ. Сблизившись съ революціонными студенческими кружками, Нечаевъ усиленно старался заручиться связями въ нихъ. Неожиданно Нечаевъ исчезъ, старательно пустивъ слухъ о своемъ заключеніи въ крѣпости и о удачномъ бѣгствѣ за границу. На самомъ же дѣлѣ, какъ оказалось потомъ, онъ уѣхалъ самымъ мирнымъ образомъ, никѣмъ не тревожимый.

---

*) Въ спискахъ „Интернаціонала“ Бакунинъ значился, какъ „Publiciste, délégué des ouvriére ovalistes de Lyon“.
Testut, Association internationale des travaillens. Lyon. 1870, p. 161.

**) Подробности см. въ іюльскихъ №№ „Правительственнаго Вѣстника“ 1871 г.

За границею онъ, конечно, сейчасъ же явился въ Мекку русскаго прогрессивнаго лагеря—къ Герцену, перебравшемуся тогда уже въ Швейцарію. Гость произвелъ на Герцена впечатлѣніе неважное. «Это былъ молодой человѣкъ—какъ рисуетъ Нечаева Очарева въ своихъ «Вспоминаніяхъ»—средняго роста съ мелкими чертами лица, съ черными короткими волосами и низкимъ лбомъ. Небольшіе, черные, огнененные его глаза были, при входѣ его, устремлены на Герцена. Онъ былъ очень сдержанъ и мало говорилъ. Рѣдко кто-нибудь былъ такъ антипатиченъ Герцену, какъ Нечаевъ».

Нечаевъ пытался увѣрить Герцена, что все въ Россіи уже организовано и готово къ возстанію. На Герцена всѣ разсказы Нечаева не произвели никакого впечатлѣнія, но по отношенію къ Бакунину и Огареву онъ достигъ желаемаго. Вскорѣ обнаружилась и дѣйствительная причина визита Нечаева, разсчитывавшаго на хранившійся у Герцена такъ называемый «Бахметевскій фондъ», исторія котораго слѣдующая:

Въ 1857 г. между прочими русскими, навѣдывавшимися къ Герцену, часто бывалъ и нѣкій Бахметевъ, болѣзненный, вѣчно удрученный молодой человѣкъ, уѣхавшіи изъ Россіи вслѣдствіе какой-то тяжелой исторіи съ родными. Бахметевъ смотрѣлъ на Герцена, какъ на существо высшаго порядка, идеалъ благороднаго работника на пользу родинѣ. Однажды онъ сообщилъ Герцену, что желаетъ изъ своего капитала удѣлить двадцать тысячъ франковъ на «общее дѣло», а самъ уѣдетъ куда-либо въ нецивилизованную страну, гдѣ между неиспорченными культурою людьми, можно жить истинно первобытнымъ образомъ. Какъ Герценъ не отговаривалъ Бахметева, тотъ не желалъ ничего и слышать, настаивая на своемъ требованіи. Наконецъ, Герценъ уступилъ просьбамъ Бахметева, согласившись взять предлагаемыя деньги, но взамѣнъ этого выдалъ расписку, съ условіемъ, что на изданіе «Колокола» будутъ расходоваться лишь проценты, а самъ капиталъ будетъ храниться въ банкѣ на случай возвращенія Бахметева; распоряжаться же деньгами Герценъ будетъ лишь съ полнаго вѣдома Огарева, которому и будетъ принадлежать, такъ сказать, контроль надъ «фондомъ». Бахметевъ уѣхалъ на Маркизскіе острова и больше его Герценъ не видѣлъ.

Существованіе «фонда» быстро стало извѣстнымъ въ революціонномъ мірѣ.

На него то и позарился Нечаевъ, считая, что онъ, какъ работникъ революціи, имѣетъ право участія въ «фондѣ», безцѣльно покоющемся у Ротшильда, когда пропаганда въ Россіи требуетъ средствъ.

Долго Герцена не сдавался на убѣжденія Огарева и Бакунина, принявшихъ сторону Нечаева. «Когда я возстаю—говорилъ онъ противъ безумнаго употребленія этихъ денегъ на мнимое спасеніе какихъ-то личностей въ Россіи, а мнѣ кажется, напротивъ, что они послужатъ къ большей гибели личностей въ Россіи, потому что эти господа ужасно неосторожны,—ну, когда я протестую противъ всего этого, Огаревъ мнѣ отвѣчаетъ: но вѣдь деньги даны подъ нашу общую росписку, Александръ, а я признаю полезнымъ ихъ употребленіе, какъ говорятъ Бакунинъ и Нечаевъ». Герценъ уступилъ лишь частью, выдавъ Нечаеву половину «фонда», а остальныя деньги передалъ Огареву сынъ Герцена уже послѣ смерти отца.

«Нечаевщина» съ ея чисто іезуитскою тактикою, крайнею нечистоплотностью въ выборѣ средствъ къ достиженію своихъ цѣлей, не церемонившаяся прибѣгать къ самымъ некрасивымъ пріемамъ, вызвала самую рѣзкую критику и безпощадное осужденіе; какъ въ Россіи такъ и заграницею, вездѣ съ негодованіемъ относились къ различнымъ мистификаціямъ, пускавшимся въ ходъ Нечаевымъ для поддержанія своего престижа въ партіи рѣшившимся даже на предательское убійство студента Иванова вся вина котораго состояла лишь въ громко выраженномъ сомнѣніи въ искренности Нечаева.

Процессъ Нечаева *) непріятно ошеломилъ русскую эмиграцію.

Темное пятно пало и на Бакунина, дѣятельно поддерживавшаго Нечаева и словомъ и дѣломъ.

Въ сентябрѣ 1871 г. лондонская конференція «Интернаціонала», по предложенію совѣта общества, руководимаго Марксомъ, занялась обсужееніемъ вопроса объ участіи Бакунина въ «нечаевщинѣ», порицающей доброе имя каждаго честнаго человѣка вообще, и члена «международнаго общества рабочихъ» въ частности.

Скандалъ получился форменный.

---

*) Ему удалось бѣжать въ Швейцарію но тамъ его выдали русскому правительству, какъ обыкновеннаго уголовнаго преступника.

Однимъ изъ русскихъ членовъ «Интернаціонала» Николаемъ Утинымъ былъ составленъ весьма обстоятельный докладъ по вопросу, обрисовавшій Бакунина весьма невыгодно, на основаніи чего Бакунинъ и былъ исключенъ изъ общества, главнымъ образомъ подъ давленіемъ со стороны Карла Маркса, стариннаго недруга Бакунина *). Оба они давно знали другъ друга, и давно не ладили. Еще во время кенигштейнскаго сидѣнья Бакунина, въ газетѣ, издававшейся Марксомъ, намекалось на провокаторство Бакунина, какъ тайнаго агента русскаго правительства. Слухъ этотъ основывался якобы на словахъ извѣстной романистки Жоржъ-Зандъ, имѣвшей въ рукахъ компрометирующіе Бакунина документы. Клевета рухнула однако, изобличенная категорическимъ заявленіемъ самой Жоржъ-Зандъ, что все приписываемое ей—ложь безусловная: Марксъ свалилъ всю вину на временно замѣнявшаго его редактора, недостаточно провѣрившаго сообщеніе, но фактъ его инсинуаціи противъ Бакунина все же остался фактомъ, не взирая на всѣ увертки Маркса. Бакунинъ всегда уважалъ Маркса, какъ крупнаго работника на почвѣ соціализированія человѣчества, ревностнаго борца съ буржуазіею, имѣющаго за собою крупныя заслуги своимъ матеріалистическимъ объясненіемъ историческихъ процессовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалъ, что «Марксъ имѣетъ въ своемъ характерѣ нѣкоторыя черты, которыя онъ съ меньшимъ удивленіемъ встрѣтилъ бы у еврейскаго беллетриста, чѣмъ у такого серьезнаго, у такого горячаго поборника справедливости» **).

Изъ писемъ Бакунина кое-гдѣ видно, что Марксъ вообще не стѣснялся всячески тормозить за границею интересъ къ

---

*) Бакунинъ энергично защищался, доказывая свою личную незаинтересованность въ владѣніи Нечаевымъ „Бахметевскимъ фондомъ“, на что именно напирали его враги, открыто толковавшіе о какихъ-то хищеньяхъ, въ которыхъ замѣшанъ-де Бакунинъ. Онъ не замедлилъ выступить съ объясненіемъ всей авантюры Нечаева, привлекши къ этому и Огарева, какъ близко причастнаго по исторіи возникновенія злополучнаго фонда, и тотъ уже печатно подтвердилъ чисто посредническую роль Бакунина во всемъ инцидентѣ. Бакунинъ уже успѣлъ раскусить Нечаева, постичь всю грязь его махинацій; не мало не задумываясь въ письмѣ къ Огареву, онъ винитъ себя въ недостаткѣ прозорливости, вовлекшемъ его во всѣ эти непріятности.

**) Судьба зло подшутила надъ Бакунинымъ, заставивъ его въ трудныя минуты безденежья, уже на старости лѣтъ, добывать себѣ пропитаніе переводомъ на русскій языкъ „Капитала“.

русскому движенію, въ сущности не особенно то имъ уважавшемуся *).

Года шли и брали свое. Герцена уже не было, и сорвиголова, уже одряхлѣвшій тѣломъ, но молодой еще душой, потерялъ всякую точку опоры, совершенно уже преобразившись въ «большую Лизу», какъ въ шутку окрестили его въ былое время въ семействѣ Герцена въ отличіе отъ его маленькой дочери, тоже Лизы. Матеріальное положеніе Бакунина, облегчившееся лишь подъ конецъ его жизни полученіемъ причитавшейся ему доли изъ отцовскаго наслѣдства, было очень и очень грустное. Перебивался онъ съ женою и двумя дѣтьми положительно на гроши. Извѣстно письмо Антоніи Ксаверьевны Бакуниной, адресованное ею Огареву—безъ вѣдома мужа—въ которомъ она умоляетъ выслать триста франковъ, нужныя ей для уплаты долговъ, просила «спасти отъ горькаго стыда описанія бѣднаго имущества». Страшная нужда уже стучалась къ Бакунину, мерещился призракъ голода, надежда на стороннюю помощь рушилась, друзья куда то пропали, но грозный еще недавно „палачъ революціи“ какъ шекспировскій король Лиръ, ушедшій въ таинственный міръ грезъ, не видѣлъ житейскихъ дрязгъ, не чувствуя ихъ щипковъ. Уже потухавшіе орлиные глаза все еще розыскивали признаки революцій, умъ еще работалъ, поспѣшно, на скорую руку выводя конекъ затѣйливаго зданія, созиданію котораго Бакунинъ отдалъ тридцать слишкомъ лѣтъ кипучаго труда, тяжелымъ бременемъ насѣвшихъ на плечи, плоть покоряла духъ, нити, связывавшія ихъ вмѣстѣ, рвались одна за другою.

Небезызвѣстный русскій эмигрантъ В. Дебагорій—Мокріевичъ, во время своихъ скитаній по Европѣ, встрѣтился съ медленно умиравшимъ львомъ, затравленнымъ жизнью, сожженнымъ внутреннимъ огнемъ.

Наружность Бакунина, уже стоявшаго одною ногою на краю могилы, была внушительна. Благодаря своему необыкновенно высокому росту, массивности фигуры, смотрѣлъ Бакунинъ на всѣхъ какъ то сверху. Свѣтло голубые, больные, но дѣтски

*) Марксъ, напримѣръ, упрямо твердилъ, что, при „дикости“ русскаго народа въ Россіи невозможна никакая революція, а въ крайнемъ случаѣ разразится просто бунтъ, отъ котораго пострадаютъ лишь наши нѣмцы, какъ особенно ненавистные коренному населенію.

ясные глаза глядѣли довѣрчиво и открыто. Серебристые, кудрявые волосы сверкающимъ ореоломъ окружали высокій лобъ, изборожденный складками. Одѣвался онъ какъ истый пролетарій, мѣшковато и даже неряшливо *).

Дебагорій-Мокріевичъ разговорился съ Бакунинымъ на злобу дня о печальномъ исходѣ возстанія въ Барселонѣ, быстро подавленнаго вооруженною силою. Бакунинъ, тяжело и прерывисто дыша, заговорилъ, ежеминутно отирая холодный потъ. Онъ указывалъ, что испанскіе революціонеры совершили непростительную ошибку, не разрушивъ на первыхъ же порахъ всѣ казенныя зданія, съ ихъ канцеляріями и архивами, благодаря чему и могъ получиться полный хаосъ въ правительственныхъ распоряженіяхъ. Искренно ненавидѣлъ Бакунинъ всякую оффиціальную бумагу, чистосердечно считая ее крупнымъ зломъ, всячески угнетающимъ свободу человѣка распорядиться собою, сознательно или инстинктивно копируя Пугачева, ожесточенно сжигавшаго труды русскихъ приказныхъ.

Замѣчательно, что въ указанный періодъ Бакунинъ словно отступился отъ Россіи, отъ плановъ ея переустройства, скептически отзываясь о возможности у насъ измѣненія какъ политическихъ, такъ и экономическихъ основъ. Нѣмцевъ Бакунинъ и прежде не жаловалъ, разочаровавшись въ нихъ послѣ сорокъ восьмого года. Будущее Бакунинъ видѣлъ за романскими народами, способными на крайніе психическіе эксцессы,—на силу которыхъ, какъ крупнаго двигателя, онъ всегда возлагалъ большія упованія. Итальянцы особенно пришлись по духу Бакунину. Онъ ради нихъ то и поселился въ Локарно—на границѣ Италіи съ Швейцаріею—своего рода революціонномъ очагѣ тогдашняго времени.

Лебединою пѣснью Бакунина была его попытка повліять своимъ присутствіемъ на успѣхъ проектировавшагося возстанія въ Болоньѣ. Международное общество революціонеровъ, дѣйствовавшее въ Италіи, задумало изъ Болоньи подать сигналъ къ всеобщей итальянской революціи, которая и должна

*) Бакунинъ никогда не терпѣлъ такъ называемыхъ корректныхъ съ виду людей. Однажды одинъ изъ его знакомыхъ (еврей) сталъ корить Бакунина за неаккуратность. Тотъ изумленно вытаращилъ глаза, быстро отвернулся отъ непрошеннаго ментора и негодующимъ голосомъ прямо таки закричалъ: что отъ меня нужно этому чистенькому жиду?!

была бы окончательно вырвать Италію изъ цѣпей ненавистнаго прошлаго, путемъ насажденія новаго соціальнаго правопорядка. Бакунинъ не задумался использовать свою смерть близкую на благо переворота. Но его плану, въ разгаръ возстанія, онъ, полуживой уже старикъ, предполагалъ явиться въ Болонью, воодушевить бойцовъ своимъ присутствіемъ, сыграть роль ветхаго почетнаго знамени революціи, и найти свою смерть на улицахъ города. Но выполнить такой невиданный драматическій эффэктъ Бакунину не удалось. Вооруженное возстаніе не клеилось, а пока собирались, итальянская жандармерія напала на скрытое оружіе,—и все рухнуло. Бакунина, поджидавшаго въ окрестностяхъ Болоньи желаннаго сигнала, какой-то сердобольный крестьянинъ довезъ до ближайшей желѣзнодорожной станціи, запрятаннымъ въ сѣно, и Бакунинъ кое-какъ добрался до Берна, гдѣ жилъ его другъ молодости докторъ Адольфъ Фогтъ.

Старики тепло встрѣтились. «Вѣчный бродяга» пріѣхалъ умирать... Его сопровождалъ преданный, какъ собака, безграмотный итальянскій рабочій, не разстававшійся съ Бакунинымъ уже нѣсколько лѣтъ *).

6 Іюля 1876 г. въ неприглядномъ номерѣ сѣренькой бернской гостинницы, лежало бездыханное тѣло Михаила Бакунина, нашедшаго, наконецъ, идеальный міръ, внѣ времени и пространства, внѣ всякихъ соціальныхъ формъ, въ страстной ненависти къ которымъ вылилась вся богатая къ духовнымъ силами личность „лучшаго артиллериста русской арміи“.

* * *

Бакунинъ не отошелъ еще въ область сужденій исторіи, онъ близокъ намъ по времени и потому врядъ ли можно сказать о немъ послѣднее слово приговора: Да и нужно ли новое сужденіе о Бакунинѣ послѣ дивнаго его портрета, набросаннаго

*) Трудно установить, присутствовала ли жена Бакунина при послѣднихъ минутахъ своего мужа. Извѣстно лишь, что вскорѣ послѣ смерти Бакунина она вышла замужъ за адвоката Гамбуцци. Теперь и она уже умерла. Послѣ смерти Бакунина за границею составился особый комитетъ, задающійся цѣлью способствовать всестороннему освѣщенію въ широкихъ слояхъ публики личности Бакунина. Всѣ собранныя Комитетомъ бумаги Бакунина, его дневникъ, начатые мемуары переданы были для разработки почитателю покойнаго—эмигранту-писателю В. А. Зайцеву, но смерть помѣшала тому довести до конца работу. Сынъ Бакунина,—не помню его имени,—не такъ давно покончилъ съ собой самоубійствомъ.

талантливымъ перомъ Герцена, отлично изучившаго лихорадочные пароксизмы Бакунинской мысли, истинно русской, въ своихъ безпрестанныхъ метаньяхъ «къ солнцу». Два изгнанника Россіи близко и хорошо знали другъ другъ—имъ и книги въ руки при взаимной обрисовкѣ.

Поэтому, повѣримъ лондонскому романтику-политики, что «въ Бакунинѣ было что-то дѣтское, беззлобное и простое, и это придавало ему необыкновенную прелесть, и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопорныхъ мѣщанъ. Его рельефная личность, его эксцентрическое и сильное появленіе, вездѣ, въ кругу московской молодежи, въ аудиторіи берлинскаго университета, между коммунистами Вейтлинга, и монтаньярами Коссидьера, его рѣчи въ Прагѣ, его начальство въ Дрезденѣ, процессъ, тюрьма, приговоръ къ смерти, истязанія въ Австріи, дѣлаютъ изъ него одну изъ тѣхъ индивидуальностей, мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія.

«Въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ колоссальной дѣятельности, на которую не было запроса. Бакунинъ имѣлъ въ себѣ возможность сдѣлаться агитаторомъ, трибуномъ, праведникомъ, главою партіи, секты, іересіархомъ, бойцомъ. Поставьте его куда хотите, только въ крайній край, анабаптистомъ, якобинцемъ, товарищемъ Анахарсиса Клитса, другомъ Гракха Бабефа *), и онъ увлекалъ бы массы и потрясалъ бы судьбами народовъ» **).

Вся продолжительная рабочая жизнь Бакунина выразилась въ какомъ-то прямо бѣшеномъ стремленіи свернуть «на лѣво» отъ всѣхъ укоренившихся въ культурномъ мірѣ понятій и нормъ.

Всею страстью своей пылкой души ненавидѣлъ онъ всѣ внѣшнія формы, запутавшія, по его мнѣнію, человѣчество невозможностью для отдѣльной личности въ полной мѣрѣ и желаемомъ направленіи проявить свои индивидуальныя качества. Бакунинъ разъ на всегда вычеркнулъ для себя цѣлый рядъ понятій, выработанныхъ тысячелѣтнимъ опытомъ практической жизни и продуманныхъ въ горнилѣ человѣческой мысли, ибо для него были ясны и неопровержимы ихъ абсолютная лжи-

---

*) Фанатики великой французской революціи.
**) Герценъ, т. 3, стр. 489.

вость и условность. Всему предыдущему и существующему строю общественныхъ взаимоотношеній, системѣ культурныхъ аксіомъ, вѣрованій, традицій, упрямая русская головушка ставила крестъ и прозозглашала: анаѳема!

На вопросъ: чего же вы хотите, куда вы насъ зовете, что вы намъ предлагаете? — Бакунинъ можетъ всегда выставить свою «платформу», вступивъ на которую, «умѣренно» мыслящій человѣкъ нашего времени, уравновѣшенный въ своей критикѣ и стремленіяхъ, неминуемо почувствуетъ себя повергнутымъ въ бездонное, вѣчно бушующее море, готовое вотъ-вотъ затопить все окрестъ себя.

«У насъ нѣтъ отечества. Наше отечество—всемірная революція. У насъ нѣтъ другого врага, кромѣ господства во всѣхъ его формахъ: религіозной, доктринерской, политической, экономической, соціальной.

«Мы стремимся къ созданію свободнаго человѣчнаго міра, основаннаго на трудѣ, на равенствѣ, на солидарности всѣхъ человѣческихъ существъ.

«Мы считаемъ необходимымъ:

«1. Разрушеніе всѣхъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ, экономическихъ и соціальныхъ учрежденій, составляющихъ настоящій буржуазный порядокъ вещей.

«2. Созданіе самостоятельной и совершенно свободной организаціи освобожденныхъ массъ на мѣсто разрушеннаго государственнаго строя.

«Въ дѣлѣ революціи мы враги всего того, что такъ или иначе принадлежитъ къ авторитетной системѣ, всего того, что стремится къ руковожденію народомъ. Слѣдовательно, мы прежде всего враги такъ называемой революціонной диктатуры, временного правительства. Мы убѣждены, что всякая такая власть, какъ бы революціонна она ни была, непремѣнно измѣнитъ въ концѣ концовъ народу и пожелаетъ увѣковѣчить себя. Революціи дѣлаются народомъ. Истинная революція среди народа только. Всякая же власть, тяготѣющая надъ народомъ, фатальнымъ образомъ ему враждебна.

«Мы имѣемъ полную вѣру въ инстинкты народныхъ массъ и понимаемъ революцію, какъ организованный взрывъ того, что зовется революціонными страстями, и какъ разрушеніе того, что на томъ же буржуазномъ языкѣ зовется общественнымъ порядкомъ.

«Мы признаемъ анархію — это выраженіе жизни и стремленій народныхъ (?!). Изъ анархіи посредствомъ свободы должно возникнуть истинное равенство всѣхъ, на свободно организованномъ трудѣ».

Обрисовавъ такимъ образомъ свою физіономію, анархизмъ Бакунина предлагаетъ уничтожить и тѣ преграды къ достиженію земного рая, какимъ онъ считаетъ основы существующаго государства, безъ различія, будутъ ли то монархіи, или республики.

На смарку идетъ вся администрація, въ лицѣ правительственныхъ органовъ съ перваго до послѣдняго, распускается армія, увольняется бюрократія, отмѣняется религія и даже образованіе, какъ направленное въ буржуазномъ духѣ, отмѣняется всякое вмѣшательство государства въ личную жизнь гражданина, хотя бы въ формѣ засвидѣтельствованія особо выдающихся событій, какъ, напримѣръ, брака. Понятіе о собственности навсегда изгоняется изъ обихода анархиста, всюду и всегда революціоннымъ фактомъ замѣняющаго политическое, и законодательное право.

Единственный законъ, нигдѣ не писанный, долженъ помнить и свято чтить истый «бакунистъ»—это естественный прогрессъ въ переходѣ человѣка отъ низшихъ степеней развитія къ высшимъ. Наука не имѣетъ и не должна имѣть какихъ-либо другихъ цѣлей, кромѣ проведенія въ физіологическую и духовно-нравственную жизнь человѣка мудрыхъ предуказаній природы, нынѣ совершенно оставленной и замѣненной искусственными мѣрами. Близко подойдя такимъ образомъ къ Жанъ-Жаку-Руссо съ его призывами къ счастливому атавизму, Бакунинъ строго относится къ заглушенію чисто интелектуальныхъ качествъ, которыя ставятъ своею задачею уравновѣшеніе требованій плоти и духа.

Чѣмъ человѣкъ выше поднимается въ области критическаго мышленія, тѣмъ для него яснѣе становится несуразность такъ называемыхъ правовыхъ нормъ, совершенно не соглашающихся съ указаніями природы. Не было еще примѣра законодательства, поставившаго себѣ прямою цѣлью истинное благо общей массы путемъ охраны его отъ подчиненія извѣстнымъ требованіямъ, извѣстнымъ запросамъ того или другого сословія. Законодатель не освобождаетъ общество, а порабощаетъ его, налагая все новыя и новыя путы. Право тѣсно связано съ государствомъ, «пере-

ходною степенью общественной жизни». Бакунинъ упорно отказывается понимать типъ современнаго государства, въ которомъ проводится законодательная урегулировка народныхъ отношеній, идущая сверху внизъ, отъ единицъ къ массамъ.

Человѣкъ, какъ совершенно самостоятельный индивидуумъ, воленъ распоряжаться собою и укладомъ своего быта, сообразуясь лишь съ своими характеристическими инстинктами. Право должно опираться исключительно на свободу, безъ которой теряется и смыслъ добровольнаго подчиненія закону.

Государство, основанное на нынѣшнихъ, произвольно толкуемыхъ казуистическихъ правовыхъ понятій, при прогрессирующемъ развитіи человѣчества сохраниться не сможетъ и разсматривать его поэтому должно лишь въ качествѣ временнаго явленія, вызваннаго историческою необходимостью.

Человѣкъ, поднимаясь изъ первобытнаго состоянія, въ младенчествѣ только что зародившейся мысли, придумалъ религію. Весь ея вредъ уже въ томъ, что она отвлекаетъ человѣка отъ исправленія его прямыхъ, здравыхъ обязанностей къ туманнымъ понятіямъ о метафизическомъ мірѣ, чего допустить нельзя. Какъ продуктъ болѣзненной мечтательности, религія парализуетъ нормальный ходъ мозговой работы, несомнѣнно, что всѣ религіи и всѣ нравственности, господствующія въ обществѣ, представляютъ собою идеальное выраженіе его реальнаго, матеріальнаго положенія, т.-е. въ особенности его экономической организаціи, но также и его политическаго строя, который, впрочемъ, всегда является ни чѣмъ инымъ, какъ юридическимъ и насильственнымъ освѣщеніемъ экономики. А безъ экономическаго равенства всякая политическая свобода, т. е. свобода въ государствѣ есть ложь.

Нѣтъ государства безъ религіи и быть не можетъ, ибо послѣдняя своею сакраментальностью увеличиваетъ цѣнность авторитета всякой земной власти своимъ толкованіемъ о возможномъ прощеніи всѣхъ проступковъ противъ святыхъ законовъ этики даетъ carte blanche на всяческія посягательства противъ ближняго.

Вотъ почему за необходимость какой-бы то нибыло религіи горячо ратуютъ всѣ притѣснители человѣчества, капиталисты, собственники и т. п. лица, твердо исповѣдующіе Вольтеровскую фразу, что если бы Бога не было, то его надо было

бы придумать, какъ оправдательный такъ сказать, документъ для своихъ цѣлей.

Свои антитеологическія взгляды Бакунинъ формулировалъ такъ:

«Dieu est, donc l'homme est esclave» *). Богъ есть,— стало быть, — человѣкъ рабъ. «L'homme est intelligent, libre, juste donc Dieu n'existe pas».

Человѣкъ разумѣнъ, свободенъ, справедливъ,—значитъ, Богъ не существуетъ.

Къ такимъ парадоксамъ Бакунина привело ошибочное представленіе о Богѣ, какъ о власти, неправильное отожествленіе обоихъ понятій, совершенно игнорирующее христіанство, вѣщающее, что Богъ весь въ любви, а не въ силѣ; изъ-за грознаго ветхозавѣтнаго Адоная Бакунинъ совершенно проглядѣлъ кроткаго Христа съ его идеалами. Ясно понимая, что многое въ жизни человѣчества держится на мистическомъ преклоненіи предъ чѣмъ-то незримымъ, но пронизывающимъ нашу жизнь, Бакунинъ ломалъ ненавистное ему зданіе съ фундамента, лишая его почвы.

Вспомните чорта, запутавшаго Ивана Карамазова. Тотъ открыто и увѣренно говорилъ, что «надо разрушить въ человѣчествѣ идеи о Богѣ, вотъ съ чего надо приняться за дѣло. Разъ человѣчество отречется отъ Бога, то наступитъ все новое».

Выдергивая основное звено, Бакунинъ разсчитывалъ разсыпать всю цѣпь.

Каждое государство, будь то деспотія или республика, никогда не дѣйствуетъ силою убѣжденія, но всюду и всегда примѣняетъ насильственное воздѣйствіе, систематически порабощаетъ нашу волю, устремляющуюся къ свободѣ. Даже творя добро государство теряетъ право на благодарность, ибо внѣдряетъ его опять таки принудительно, лишая такимъ образомъ всякой цѣнности. Государство, тираннизируя «низы», въ то же время въ корень развращаетъ и «верхи», пріучая его къ соціальной привеллигированности, болѣзненно уменьшающей трудоспособность и жизненную закалку.

Государство должно уступить мѣсто обществу, не связанному въ своихъ частяхъ ничѣмъ другимъ, кромѣ полнаго уваженія между отдѣльными личностями. При такомъ переустрой-

*) Oluvres, Paris, 1895. p. 64

ствѣ всякій можетъ сказать себѣ: «я свободенъ настолько, насколько не нарушаю свободы моего собрата. Пока я не касаюсь другихъ, оставляютъ въ покоѣ и меня». Чѣмъ въ большемъ количествѣ каждаго человѣка окружаютъ свободные люди, тѣмъ осязательнѣе для него становится и свобода, поддерживающаяся не чьимъ-либо авторитетомъ, а взаимнымъ уваженіемъ.

Цѣлью такой высоко-культурной работы человѣчества на почвѣ созданія свободной человѣческой воли, должно ставиться проведеніе единства. Когда человѣчество проникнется правильнымъ пониманіемъ своихъ потребностей, подчиненія указаніямъ инстинкта, безошибочнаго, какъ и все въ природѣ, тогда будетъ мѣсто постепенному организованію реформированнаго государства. Единицы сольются въ общины, изъ общинъ составятся провинціи, тѣ образуютъ въ свою очередь народности, и въ результатѣ—Соединенные Европейскіе Штаты, за которыми Бакунину грезился уже идеалъ громаднаго міроваго общежитіе построеннаго на строго федеративныхъ принципахъ. Существованіе такого государства можетъ имѣть мѣсто опять-таки при соблюденіи полной свободы составныхъ частей, отъ доброй воли которыхъ только и зависитъ сліяніе съ общею массою. Но, повторяемъ, подобный типъ федеративнаго общежитія долженъ разсматриваться какъ цѣль въ будущемъ, даже далекомъ. Осуществленію всякихъ плановъ подобнаго сорта вредитъ испорченная нынѣ человѣческая натура, съ ея безнравственными понятіями о собственности, какъ частнаго владѣнія, окончательно закабаляющаго свободную душу страстью наживы, самымъ неблагороднымъ порокомъ. Бакунинъ признаетъ одно коллективистическое пользованіе всевозможными орудіями производства, составляющими общественную собственность, при чемъ, конечно, каждый работникъ имѣетъ право на полный продуктъ своего труда. Лишь такимъ путемъ удастся насколько возможно приблизиться къ уменьшенію разницы положенія отдѣльныхъ личностей, устраняя тяжелую борьбу капитала съ трудомъ, сглаживая грустныя послѣдствія пауперизма, неизбѣжнаго послѣдствія экономической жизни государства, при ихъ теперешнихъ условіяхъ, слѣдуетъ особенно помнить, что Бакунинъ никогда не признавалъ коммунальнаго устройства, какъ неизбѣжно ведущаго къ централизаціи, т. е. въ сущности, къ государственности, но только другой физіономіи.

Средствомъ къ проведенію подобнаго рода идей въ практику и должна служить соціальная революція. Она должна быть направлена не противъ личностей, а противъ порядка вещей.

Перевороты должны обойтись безъ капли крови. Это Бакунинъ ставитъ conditio sine qua non. Было бы, по его словамъ, прямо таки преступно зло побѣждать зломъ; категорически отрицая диктатуру пролетаріата, Бакунинъ единственно возможною формою борьбы полагалъ правильно организованное мирное возстаніе рабочихъ классовъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ соціальныхъ нуждъ, и цѣлью поставляющихъ разрушеніе стараго государственнаго строя. Революція не дѣлается отдѣльными лицами, теряя въ такомъ случаѣ свой характеръ общественности, но въ ней можетъ быть мѣсто лишь для коллективной мысли, воли и дѣятельности. Личная иниціатива отстраняется. Только та революція восторжествуетъ, гдѣ не будетъ самозванныхъ учителей, претендующихъ на роль руководителей народа. Мы же, т. е. революціонеры-интеллигенты, можемъ приравнивать себя лишь къ акушеркѣ, облегчающей рожденіе ребенка,—говоритъ Бакунинъ. Изъ этого вовсе нельзя заключить, что право на революцію принадлежитъ одной черни, что-ли. Вовсе нѣтъ. При движеніяхъ народа необходимы сильные, энергичные люди, способные, воодушевлять народъ, вливать въ нихъ бодрость духа, такъ сказать, поддерживать градусъ кипѣнія революціонной мысли.

Такой революціонеръ-вдохновитель—человѣкъ обреченный *). У него нѣтъ ни своихъ интересовъ, ни дѣла, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстью,—революціей.

Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ только, а на дѣлѣ, разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ, и со всѣмъ образованнымъ міромъ, со всѣми законами, привилегіями, общественными условіями и нравственностью этого міра. Общество для него – врагъ безпощадный, и еслибъ онъ про-

---

*) См. подробности громкаго „нечаевскаго дѣла". (*Прав. Вѣстн. 1871.* № 162). На судѣ было оглашенъ любопытнѣйшій „катехизисъ" правилъ для руководства партійнымъ дѣятелямъ. Хотя авторство этого документа точно неустановлено, но есть много данныхъ утверждать что мы имѣли въ данномъ случаѣ дѣло съ перомъ Бакунина. Такъ по крайней мѣрѣ полагали юристы.

продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

Революціонеръ презираетъ взякое доктринерство и отказался отъ мірской науки, предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ одну только науку, науку разрушенія. Для этого и только для этого онъ изучаетъ теперь механику, физику, химію, пожалуй медицину. Для этого изучаетъ денно и нощно живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій настоящаго общественнаго строя, во всѣхъ возможныхъ слояхъ. Цѣль же одна—наискорѣйшее разрушеніе этого строя.

Революціонеръ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ презираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ нынѣшнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствуетъ торжеству революціи. Безнравственно и преступно все, что помѣшаетъ ему.

Революціонеръ, человѣкъ обреченный, безпощаденъ для государства и вообще для всего сословно-образованнаго міра; онъ и отъ нихъ не долженъ ожидать для себя никакой пощады. Между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и смерть. Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ. Всѣ нѣжныя, изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены въ немъ единою холодною страстью революціоннаго дѣла. Для него существуетъ только одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе,—успѣхъ революціи. Денно и нощно должна быть одна мысль, одна цѣль—безпощадное разрушеніе.

Стремясь хладнокровно и неутомимо къ этой цѣли, онъ, долженъ быть готовъ и самъ погибнуть и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ея достиженію.

Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность и увлеченіе. Она исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе. Революціонная страсть, ставъ въ немъ обыденностью, ежеминутно должна соединяться съ холоднымъ разсчетомъ. Всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то, что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Таковъ эффектный обликъ безплотнаго героя-революціонера, съ чисто демоническимъ оттѣнкомъ, который способенъ взваливать

на свои плечи ношу революціоннаго дѣла. Правда, такой революціонеръ—Брутъ въ квадратѣ,—изрядно театраленъ, но до этого Бакунину или его сподвижникамъ дѣла мало. Если такихъ людей нѣтъ, то они должны быть—и баста. Бакунинъ всею своею тяжестью обрушивается на «молодыхъ, доктринерски образованныхъ конспираторовъ-соціалистовъ и революціонеровъ по книжкамъ, упояющихся самомечтаніемъ, своимъ собственнымъ, большею частью пустымъ, но горячимъ словомъ, попадающихся и пропадающихъ не за дѣло, а за слова и обреченныхъ самимъ положеніемъ своимъ столько же, сколько и направленіемъ своихъ мыслей на жалкое бездѣлье и безсилье». Бакунинъ, стеченіемъ обстоятельствъ отдаленный отъ Россіи, не нашедшій себѣ нигдѣ прочнаго пристанища, хотя бы тѣни второй родины, человѣкъ, что называется, деклассированный, питалъ чувства симпатіи ко всѣмъ такимъ же обездоленнымъ, безпардонной голытьбѣ, какъ и онъ самъ. Бакунинъ отыскалъ въ Россіи подходящій элементъ, годный для образованія кадровъ революціонной арміи. Это — фаланга, доходящая до 40 или даже 50 тысячъ человѣкъ. Составляютъ ее молодые люди, вышедшіе изъ корпусовъ, гимназій и университетовъ, дѣти мѣщанъ или разорившагося мелкаго дворянства; юноши, почти лишенные средствъ существованія, но тратящіе послѣдній грошъ на пріобрѣтеніе книгъ и образованіе; въ особенности дѣти сельскаго духовенства, большинство которыхъ погибаетъ въ адскихъ трущобахъ нашихъ семинарій, но изъ числа которыхъ очень многіе вырываются полные энергіи. Бакунинъ не очень то въ сущности стѣснялся въ вербовкѣ рядовыхъ, не гнушаясь даже и наличностью «жуликовъ», присутствіе которыхъ въ родахъ революціонеровъ, онъ считалъ очень благопріятнымъ симптомомъ успѣха революціи, ибо жуликъ, какъ, личность строго практическая и опытная во всякихъ передрягахъ, инстинктомъ тянетъ на сторону сильнѣйшаго *).

Но это одни цвѣточки революціи, а за ягодками слѣдуетъ опуститься немного пониже, именно «на дно», въ міръ «быв-

*) См. „Воспоминанія“ В. Дебогорій — Мокріевича, изданныя за-границей. Книги у меня подъ рукою нѣтъ, и цитирую на память. Дебогорій—Мокріевичъ, встрѣчавшійся съ Бакунинымъ въ Швейцаріи въ началѣ семидесятыхъ годовъ, даетъ нѣсколько любопытныхъ штриховъ.

шихъ людей», столь успѣшно и заманчиво иллюстрируемыхъ нынѣ мастерскимъ перомъ Максима Горькаго. И оказывается, наша простодушная, сермяжная Русь давно уже таитъ въ себѣ немало личностей, готовыхъ проводить въ жизнь суровыя идеи добрѣйшаго въ душѣ Михаила Александровича, не смотря на всѣ его попытки состроить страшное лицо. Есть форма русской народной жизни, которую Бакунинъ громогласно объявляетъ почетнѣйшею. Это разбой.

„Онъ былъ со времени основанія Московскаго государства отчаяннымъ протестомъ народа противъ общественнаго порядка. Разбойникъ, это герой, защитникъ, мститель народный, непримиримый врагъ государства и всего общественнаго строя“.

Далѣе Бакунинъ уже совершенно увлекается и не знаетъ удержа. «Кто не понимаетъ разбоя,—тотъ ничего не пойметъ и въ русской народной жизни. Кто не сочувствуетъ ему, тотъ не можетъ сочувствовать русской народной жизни, и нѣтъ въ немъ сердца для вѣковыхъ неизмѣримыхъ страданій народныхъ. Разбойникъ въ Россіи настоящій и единственный революціонеръ,—революціонеръ безъ угрозъ, безъ книжной реторики, революціонеръ непримиримый, неутомимый и неукротимый на дѣлѣ, революціонеръ народно общественный, а не сословный. Въ тяжелые промежутки, когда весь крестьянскій рабочій міръ спитъ, кажется, сномъ непробуднымъ, задавленный всею тяжестью государства, лѣсной разбойничій міръ продолжаетъ свою отчаянную борьбу и борется до тѣхъ поръ, пока русскія села опять не проснутся. А когда оба бунта, разбойничій и крестьянскій сливаются, нарождается народная революція».

И вотъ соединенными усиліями этой столь разношерстной компаніи должны быть провозглашены слѣдующія требованія: «Мы хотимъ и желаемъ»:

1. Чтобы вся земля русская была объявлена собственностью цѣлаго народа, такъ чтобы не было ни одного русскаго, который бы не имѣлъ части въ русской землѣ.

2. Хотимъ самоуправленія народнаго, общиннаго,—волостного, уѣзднаго, областнаго и наконецъ государственнаго. Но чтобы не было въ Россіи чиновничества и чтобъ централизація бюрократическая замѣнилась вольною областною федераціею.

2. Хотимъ, чтобы Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ, Финнамъ и латышамъ прибалтійскимъ, а также Кавказскому краю была

возвращена полная свобода и право распорядиться и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

3. Хотимъ братскаго, и если будетъ возможно, федеральнаго, союза съ Польшею, Литвою, Украйною, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края. Готовы и обязаны помогать имъ противъ всякаго насилія и противъ внѣшнихъ враговъ, особливо же противъ нѣмцевъ, когда они сами позовутъ насъ на помощь».

Бакунинъ, требующій повсемѣстнаго разрушенія, изступленно кричащій на весь міръ: nihil! nihil!—въ отношеніи своего народа смягчается, прячетъ хищныя когти, готовыя безжалостно рвать всевозможныя государства, и не высказываетъ ни малѣйшихъ намѣреній раскостить Россію на общую, безпорядочно сбитую коммуну, съ милліонами мелкихъ ячеекъ.

«Нѣтъ, — говоритъ Бакунинъ — пусть будетъ въ Россіи одинъ нераздѣльный народъ. И не бойтесь, онъ будетъ въ состояніи самъ собою управляться. Народъ знаетъ своихъ людей, и въ этихъ людяхъ, повѣрьте, болѣе дѣльнаго смысла, чѣмъ во взросшемъ въ блудномъ бездѣліи дворянствѣ. Не бойтесь также, что черезъ областное самоправленіе разорвется связь провинцій между собою, рушится единство русской земли *). Вѣдь автономія провинціи будетъ только административная, внутреннезаконодательная, юридическая, а не политическая. И не въ одной странѣ, исключая можетъ быть Франціи, нѣтъ въ народѣ такого смысла единства строя, государственной цѣлости и величія народнаго. какъ въ Россіи».

Вывести страну изъ всѣхъ неурядицъ можетъ только всенародный земскій соборъ, опасаться котораго Верховной власти нечего.

«Вѣдь посылать на него своихъ выборныхъ будетъ народъ, до сихъ поръ безгранично въ царя вѣрующій, всего отъ него ожидающій. Откуда же взяться враждѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы царь созвалъ Земскій соборъ, онъ впервые увидѣлъ бы себя окруженными людьми, дѣйствительно преданными. Минута собора будетъ рѣшительная, минута въ высшей степени критическая! Послѣ двухсотлѣтняго отчужденія, русскій народъ че-

*) Выводъ особенно интересный для насъ, ввиду особенныхъ нападокъ нашихъ консерваторовъ на опасность для Россіи федеративнаго строя.

резъ своихъ представителей, въ первый разъ встрѣтится лицомъ къ лицу съ своимъ царемъ».

Свое дѣйствительное и глубокое пониманіе завѣтныхъ идеаловъ русскаго народа, его представленія о личности царя, прямо вытекающаго изъ безсознательно сохранившагося антропоморфизма, Бакунинъ проявляетъ въ такой характеристикѣ народныхъ упованій:

«Народъ почитаетъ въ царѣ символическіе представленіе единства, величія и славы русской земли. Но, этого мало: другіе, болѣе христіанскіе народы, когда имъ приходится жутко, а возстаніе по какимъ бы то ни было причинамъ кажется невозможнымъ, ищутъ своего утѣшенія въ вознагражденіи загробномъ, въ небесномъ царѣ, на томъ свѣтѣ. Русскій народъ, по преимуществу—реальный народъ. Ему и утѣшеніе то надо земное; земной Богъ — царь, лицо впрочемъ идеальное, хоть и облеченное въ плоть и человѣческій образъ... Царь—родъ русскаго Христа, отецъ и кормилецъ русскаго народа, весь проникнутый любовью къ нему и мыслью о его благѣ. Онъ давно далъ бы народу все, что нужно ему—и волю и землю. Да, и онъ самъ, бѣдный, въ неволѣ: лиходѣи бояре да злое чиновничество вяжутъ его. Но, вотъ наступитъ время, когда онъ воспрянетъ и, позвавъ народъ свой на помощь, истребитъ дворянъ, и поповъ и начальство, и тогда наступитъ въ Россіи пора золотой воли.

Но черезчуръ долго наигрывать на струнке долготерпѣнія народнаго опасно, потому что «привязанность народа къ царю не придворная, не холопская, а религіозная. И религія народа не небесная, а земная, жаждущая, требующая себѣ удовлетворенія на землѣ... Но если-бы въ этотъ роковой моментъ, когда для цѣлой Россіи будетъ рѣшаться вопросъ о жизни и смерти, о мирѣ и крови, царь земскій предсталъ передъ всенародный соборъ, царь добрый, царь правдивый, любящій Россію болѣе себя и довѣряющій широко любви народной, готовый устроить народъ по волѣ его, чего бы могъ сдѣлать онъ съ такимъ народомъ. Кто смѣлъ бы возстать противъ него? И миръ, вѣра, возстановились бы какъ чудомъ, и деньги нашлись бы, и все устроилось бы просто, естестественно, для всѣхъ безобидно, для всѣхъ привольно. Руководимый такимъ царемъ, земскій соборъ создалъ бы новую Россію на основаніи вольныхъ, широкихъ, безъ потрясеній, безъ жертвъ, даже безъ усиленной борьбы и

безъ шума; потому что въ немъ выработался умъ крѣпкій и здоровый зародышъ будущей организаціи,—и потому что злой умыселъ и никакая враждебная сила не были бы въ состояніи бороться противъ соединеннаго могущества царя и народа» *).

Разсматривая культурную дѣятельность русской интеллигенціи Бакунинъ рѣшительно считаетъ ее безплодной, ибо она всецѣло любитъ опереться на абстракціи, столь чуждыя здоровому мужицкому смыслу, всегда умѣющему отличить фразу отъ истины. Соціальные доктронеры упрямо переносящіе на русскую почву западныя тенденціи, совершенно не справлялись съ историческими основаніями народныхъ воззрѣній. Но тѣ же дѣятели, слившись во едино съ народомъ, передавъ ему опытъ политической жизни, и извѣстную способность критическаго отношенія къ фактамъ, окажутъ ему существенную помощь въ дѣлѣ упорядоченія его быта.

Вотъ въ общихъ чертахъ суть Бакунинскихъ теорій, создавшихъ ему имя «апостола анархіи». Несомнѣнно, что при внимательномъ и близкомъ знакомствѣ съ его писаніями мы наждомъ шагу почти натыкаемся на полное отреченіе Бакунина отъ укоренившихся въ насъ понятіяхъ, безъ которыхъ мы не можемъ и представить себѣ правильное теченіе общественной жизни, но все же анархія Бакунина ничего общаго съ парижскими типами, вродѣ Вальяновъ и Равашолей, швыряющихъ бомбы въ уличныя кафе. Правда кое-гдѣ у Бакунина попадаются іезуитскія замашки оправдать не совсѣмъ то чистоплотныя средства при достиженіи цѣлей, но къ насильственному пролитію крови путемъ убійствъ изъ-за угла, Бакунинъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мягкая натура Бакунина не одобрила и русскій терроризмъ, процвѣтавшій въ семидесятыхъ годахъ. Карокозовскій выстрѣлъ не встрѣтилъ въ Бакунинѣ ни малѣйшаго сочувствія.

Размашистыя идеи Бакунина одно время властно завоевывали себѣ площади и улицы Западной Европы.

Искры, зароненныя «палачемъ революціи» вызвали цѣлый пожаръ, попавъ на разгоряченную почву Италіи, только что

---

*) Такое сужденіе Бакунина вызвало немалое неудовольствіе редси извѣстной части русской эмиграціи.

пережившей острый періодъ борьбы за независимость. То было увлеченіе не продолжительное, но сильное. Итальянская печать чуть не каждый день привѣтствовала нарожденіе литературныхъ младенцевъ съ самыми разбойничьими кличками. Чего тутъ только не было: Satana, Il Ateo, Il Ladro, La Canaglia, Il Lucifero, Il Petrolio, Il Antichristo и т. п. Договаривались прямо таки до абсурда. «Богъ—величайшій врагъ народа, ибо онъ проклялъ трудъ». «Къ чорту отечество и націю!»—изступленно кричитъ одинъ изъ такихъ шалыхъ листковъ, — «коммуна и человѣчество,—вотъ къ чему стоитъ только стремиться».

Пощады не давали никому. «Анархія»—не мало суминяшеся толкуетъ развязный послѣдователь Бакунина,—«уничтожаетъ всякую власть, небесную и земную, начиная съ Бога и кончая послѣднимъ полицейскимъ агентомъ».

Экспресія по истинѣ изумительная. Жаль только, что направлена она на вѣтеръ.

Не богата мыслительная работа Бакунина конечными выводами и плодами, но глубоко интересенъ самый процессъ ея, постоянно нервно взвинченной и непосѣдливой. Бакунинъ ближе чѣмъ кто либо другой подходитъ къ выведенному Достоевскимъ типу психо-патологическаго искателя истины, готоваго въ голодѣ душевномъ дойти до полнѣйшихъ крайностей.

Та же тоска по вѣковѣчной правдѣ, спрятанной злой силой за семью замками, швыряла Бакунина отъ одного берега къ другому, отъ артиллеріи къ гегельянизму, отъ гегельянизма къ коммунизму, изъ объятій Каткова на шею Герцена, отъ московскихъ храмовъ на дрезденскія баррикады и т. д.

«Фигура колоссальная! Тѣнь ея падаетъ на всю Россію». Такъ отозвался о Бакунинѣ не другъ, но врагъ. И съ этимъ мы согласимся.

Библіографическія примѣчанія.

I. Сочиненія Бакунина.

1. Народное дѣло.
2. Государственность и анархія. Перев. на всѣ европ. яз.
3. Всесвѣтный союзъ революціонеровъ.
4. Къ русской молодежи.
5. Наука и революція.
6. Письма къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву, собраны М. Драгомановымъ.

} Издано за-границею.

7. La commune de Paris et la nation de l'état. (Le Travailleur, 1878, avril—mai). Русскій переводъ въ „Общинѣ", Женева, 1878, май—іюль.
8. A la redaction de la „Liberté" de Bruxelles, 5 oct. 1872. („Societé nouvelle", juillet—aout 1894). Нѣмецкій переводъ въ „Socialist", Berlin, 1894, 29 Sept.
9. L'association internationale des travailleurs de Genève aux ouvriers d'Espagne, Genève, 21 oct. 1868. Нѣмецкій переводъ въ „Vorbote", Genf. 1868, Nov.
10. Aufruf an die Slaven von einem russischen Patrioten, Mitglied des Slavencongresses in Prag. Köthen. 1848.
11. Aux compagnons de l'association internationale des travailleurs du Locle et de la Chaux de Fonds. („Le Progrés" 1895).
12. Aux compagnons de la Fédération jurassienne. („Bull. jurassien", 1873, 23 oct.).
13. Catéchisme de la francmassonerie moderne. Рукопись, относится къ 1865 г.
14. Catéchismes révolutionnaires. Рукопись 1868 г.
15. Circulare. Ai miei amici d'Italia in occasione del Congresso operaio convocato a Roma pel 1 nov. 1871 dal partito Mazziniano. („Paria". Ancona, 13, 17 agosto 1885). Отдѣльный оттискъ подъ заглавіемъ: Il socialismo a Mazzini.
16. Dieu et l'Etat. Кардинальная вещь Бакунина, переведенная на всѣ европейскіе языки.
17. Discours au Congrès de Bern, de la Ligue de la Paix et de la Liberté, Sept. 1868 г.
18. Discours, prononcées pour célébrer le 17 anniversaire de la Revolution polonaise. Paris. 1847.
19. Les endormeurs. („L'Egalité", Genève, 26 juin au 24 jouillet 1869).
20. L'histoire de ma vie. („Revue socialiste" 1898, nov).
21. L'instruction intégrale. („L'Egalité" 31 juillet au 21 août. 1869).

22. Lettre d'adhésion. (Publié dans le № specimen de „La Democratie", Paris, 1868).
23. Lettre sur la brochure Marxiste „L'Alliance", („Journ. de Genève", 25 Sept. 1873).
24. Lettres a un Francais. Neuchatel, 1870.
25. La Montagne. („L'Egalité", Genève, 10 au 17 juillet 1869).
26. Mémoire sur l'histoire de l'Alliance de la démocratie socialiste. (Dans le „Memoire jurassien").
27. Organisation de l'Internationale. (L'Almanach du peuple pour 1872). 2-е изд. вышло въ Брюсселѣ, подъ заглавіемъ: „Simples questions sociales").
28. Quelques paroles à mes jeunes frères en Russie. („Liberté", Bruxelles, 5 sept. 1869 г.).
29. La politique de l'Internationale. (L'Egalité, Genève, 7 août an 14, 1869).
30. Programme de la Section slave de Zurich. Dons „L'Appendix".
31. Reponse d'un International a Mazzini. (Liberté", Bruxelles, 18 et 19 août 1871).
32. La révolution sociale, ou la dictature militaire. Genève 1870. Болѣе извѣстно подъ позднѣйшимъ заглавіемъ: „L'Empire knouto-germanique".
33. La théologie politique de Mazzini et l'Internationale. 1871.
34. Die Reaction in Deutschland. Fragment eines Franzosen. Par Jules Elizard. („Deutsche Iahbücher", 1843).

2. Литература о Бакунинѣ.

А. И. Герценъ. Сочиненія. Изд. Павленкова. Спб. 1905.
Т. II, 303, 309, 310, 314, 329, 331 332, 389, 413, 470, 497; Т. III, 870, 74, 135, 151, 192—194, 196, 199, 288, 291—293, 461, 483—493, 495—499, 503, 504, 509, 510, 515; Т. V, 109, 267, 437, 448; Т. VI, 46, 52, 53, 56, 89, 120, 144, 163, 322—325, 331.
Новое Время, 1895, № 6992.
Р. Мысль, 1889, № 1.
Никитенко, Дневникъ.
Н. Огарева-Тучкова. Воспоминанія.
А. Головачева-Панаева. Воспоминанія (изд. В. И. Губинскаго).
Л. Мечниковъ, Ист. Вѣстн. 1897, № 3.
С.-Петерб. Вѣд. 1897, № 19—20.
Н. Анненковъ, Воспоминанія, Т. III, стр. 166—173.
Барсуковъ, Жизнь и Труды Погодина, Т. V.
В. Стасовъ, Н. Н. Ге.
А. Пыпинъ, Бѣлинскій.
Берегъ, 1880, № 67.
Гласность, 1897, № 63.
Н. Бѣлоголовый Воспоминанія.
Народъ, 1897, № 188.
Кіевлянинъ, 1876, № 94.
Совр. Инв. 1872, № 96.

А. Тунъ, Ист. революціонныхъ движеній въ Россіи.
С. Сватиковъ, Общественное движеніе въ Россіи.
A. Reichel, M. Bakounine. „Révolte“ 25 nov. au 2 dèc. 1893.
Quack, H. De socialisten. Personen en stetels. Amsterdam. 1875.
Costa, A.—Vita di Michele Bacunin („Bibliotheca del Martello“, Vol. I, Bologna, 1877.
Heritier, L. Michael Bakounin und seine Schriften. („Neue Revue“, 1895, №№ 39—40).
Matthey, A.—Michel Bakounine („Nouvelle Revue“. 1891, 1 août).
Turati, E. Notes sur Bakounine. Faix. 1890.
Seymour, H. Michel Bakounine. London. 1888.
L'Internationale, Karl Marx, Mazzini et Bokounine. Bruxelles, 1871.
Dragomanow, M.—Michel Bakounine, et son action politique en Europe. Esquises et notes biographiques. („Revue Socialiste“, 1895. nov. et dèc.).
Stromberg, M. Bakounine en Italie. („Revue Socialiste“, 1878, fevr.).
Zur Biographie Bakunins. („Freiheit“ New-Iork, 1891, Ianuar, April).
Alberini, Ch. Une page de la vie de Bakounine. („Bull. jurassien“, 1876, 1 oct.).
Adler, G. Michael Bakounin. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. B. 2.
Polska expeditionen sch Bakunin i Stockholm. („Ryska Afslöjanden“, Stocholm, 1885).
Dragomanow, M.—Michael Bakunins politische Ideen. „Die Zeit“, 1895, № 33.
Michael Bakounins social-politischer Briefwechsel mit A. Herzen und Ogarjow. Mit einer biographischen Einleitung, Beilagen und Erlaüterungen von Prof. M. Dragomanow. („Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten“, herausg. von Th. Schiemann, B. 6. Stuttg. 1895).
Golowin, I. Der russische Nihilismus. Meine Beziehungen zu Herzen und zu Bakunin. Leipzig. 1886.
Eltzbacher, P. Der Anarchismus. Berlin. 1900.
Zenker, E. Der Anarchismus. Iena. 1895.
Michael Bakunin und der Radikalismus. („Deutsche Rundschau“, 1877. B. 10, 11).
Von Nikolaus I zu Alexander III. Leipz. 1881.
Dühring, Kritische Geschichte der Nationalökonomie.
Grun, Bakunin, „Die Wage“, Berlin. 1876.
Laveley, Les parties socialistes. 1884.
Malon, Histoire du Socialisme, T. 3, Paris. 1884.
Nettlau, M.—The life of M. Bacounine. Lond. 1896—1898. 3 r.
Nettlau, M.—Bakunin in den Jahren, 1848—1849. („Socialitische Monatshefte“ 1898).
Oldenburg, Der russische Nihilismus.
Vitzthum vou Eckstädt. L. Petersburg und London in den Jahren 1852—1864.
Plechanow, G. Der Anarchismus und Socialismus. Berl. 1894.
Kropotkin, P. Moderne Wissenschaft und Anarchismus. Berl. 1904.

УЧЕНІЕ СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА И КОМУНИЗМА. Г. Зибеля. Спб. ц. 15 к.

ЖИЗНЬ ПОСЛѢ СМЕРТИ. Научные и моральные выводы философіи. Соч. Леона Дени. Перев. съ французскаго. 2-е изд. 1898 г. 330 стр. ц. 1 р.

ЭТИКА, НАУКА О НРАВСТВЕННОСТИ. Автора книги „Исторія философіи",—Фр. Кирхнера, доктора философіи. Перев. подъ редакціею Л. Оболенскаго. Спб. ц. 80 к.

ПОПУЛЯРНАЯ АСТРОНОМІЯ въ вопросахъ и отвѣтахъ д-ра Клейна. Перев. съ нѣмецкаго, послѣднее изданіе. СПБ. съ многочислен. рисунками. ц. 1 р. 20 к.

ЛУЧИ СВѢТА. Сочиненіе философа Шопенгауера. Извлечено изъ полнаго сочиненія І. Франценштедтомъ, переводъ В. Н. Маракуева. 2-ое изд. 327 стр. ц. 1 р.

ЭСТЕТИКА. Популярное изложеніе. Ученіе о прекрасномъ и объ искусствѣ. Сочиненіе Прейса, переводъ съ нѣмецкаго В. Владимірова, подъ редакціею В. В. Чуйко. Спб. ц. 1 р. 20 к. Общее основаніе эстетики.—Объ эстетическомъ отношеніи природы.—О художественной дѣятельности.—Объ искусствѣ вообще.—Живопись.—Скульптура и архитектура.—Драматическая поэзія.—Пѣніе.—Вокальная музыка.—Инструментальная музыка, о музыкальныхъ инструментахъ.—Танцовальное искусство.—Гимнастическое искусство.—Драматическое искусство.—Сценическое искусство.—О связи всѣхъ искусствъ вообще.

ПОПУЛЯРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. Соч. Фауссетъ. Переводъ съ 7-го англійскаго изданія М. И. Ловцовой, подъ редакціею и съ предисловіемъ Н. Дружинина. Спб., ц. 80 к.—Политическая экономія трактуетъ о факторахъ производства, богатствѣ земли, трудѣ, капиталѣ, о рентѣ, заработной платѣ и прибыли, о мѣнѣ и торговлѣ, о кредитѣ и проч. Наука экономіи опредѣляетъ сущность этихъ явленій, оцѣниваетъ ихъ значенія во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ. Эта политическая экономія для начинающихъ мистрисъ Фауссетъ отличается всѣми свойствами, необходимыми для труда, предназначеннаго для болѣе или менѣе широкаго распространенія: краткостью, ясностью, доступностью, систематичностью и объективностью.

ЧТЕНІЕ, КАКЪ ИСКУССТВО. Сост. академикъ Лагуэ. Перев. съ 31-го французскаго изданія. 4-е изданіе. Спб., 1903 года, ц. 1 р.

СОЦІОЛОГІЯ. Пр. д-ра Т. Ахелиса. Популярное изложеніе. Пер. съ нѣмецк. М. Э. Гюнсбурга. 1906 г., ц. 35 к.

НАУКА О НРАВСТВЕННОСТИ (ЭТИКА). Изложеніе этическихъ принциповъ и ихъ примѣненіе къ частнымъ жизненнымъ отношеніямъ. Соч. профессора копенгагенскаго университета д-ра Гаральда Гефдинга. Переводъ подъ редакціею Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1898 г., ц. 1 р. 75 к.

„ВО ВРЕМЯ ОНО" ВЕНЪ ХУРЪ. Повѣсть временъ земной жизни Іисуса Назорея. Соч. Уаллеса. 2-е изданіе съ 75 рисунками. Спб. 1905 г., ц. 1 р. 50 к.—Смотри, какъ издали съ высоты востока путеводная звѣзда спѣшитъ пролить на міръ свой лучезарный свѣтъ. И миромъ дышала ночь, въ которую Царь свѣта явился на землю для царства мира. И пастерокъ, дивясь чуду, нѣжно лобзалъ поля, передавшія эту новую радостную вѣсть такимъ волнамъ звуковъ, нынѣ вполнѣ забывшимъ эти грезы, когда мирныя птицы колышатся на ихъ зарующихъ гребняхъ.—Мильтона гимнъ „Рожденію Христа".

ВОСПИТАНІЕ умственное, нравственное и физическое. Соч. Герберта Спенсера. Новый полный переводъ съ англійскаго М. А. Лазаревой. Спб. 2-е изданіе, ц. 75 к.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ человѣческая траги-комедія Іоганна Шерра. 2-е изданіе. 1906 г., ц. 1 р. 50 к.—Аспазія (V вѣкъ до Р. Х.).—Туссельда (I вѣкъ).—Мессалина (I вѣкъ).—Эломна (XI в.).—Іоанна д'Аркъ (XV вѣкъ).—Двѣ королевы (XVI вѣкъ) Елисавета и Марія Стюартъ.—Нинона де Ланкло (XVII вѣкъ).—Матильда Датская (XVIII вѣкъ).—Марія Антуанетта (XVIII вѣкъ).—Каролина Англійская (XVIII—XIX вѣкъ).—Сѣверная Семирамида (XVIII вѣкъ) Екатерина II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ДѢЯТЕЛИ. Человѣческая траги-комедія Іоганна Шерра. Переводъ Н. Мазуренко. Спб. 1906 г., ц. 1 р. 50 к.—Грозный царь, Іоаннъ IV.—Лже-Дмитрій.—Кромвель. Трагедія русской государств. жизни.—Король сумасбродъ.—Карлъ XII.—Мирабо и Марія Антуанета.—Парижъ 1789—1793, (во время террора) и проч.—Декабрьскій терроръ 1848—1851 г.г.

О СВОБОДѢ. Соч. Джонъ Стюартъ Миллъ. Переводъ съ послѣдняго англійск., изданн. М. Лозиновой. Спб., изд. 2-ое. 75 к. Предлагаемая въ новомъ, болѣе полномъ переводѣ книга Милля о свободѣ, въ удешевленномъ изданіи, найдетъ массу читателей. Въ одной изъ своихъ лучшихъ книгъ, озаглавленной „Свобода" Миллъ съ рѣдкой силой анализа доказываетъ всѣ выгоды либерализма. Свобода развиваетъ способности индивида, она развиваетъ ихъ въ разныхъ смыслахъ, она поощрительствуетъ оригинальности и протресс, возбуждаетъ таланты, она въ себѣ самой находитъ для себя правила и естественно стремится придти въ равновѣсіе со свободой другихъ, наконецъ изъ свободной дѣятельности интересовъ возникаетъ общая польза, изъ свободной дѣятельности воли получается общая воля, которая не будучи непогрѣшимой, всегда способна къ усовершенствованію и въ себѣ самой находитъ средства исправить свои ошибки.

ПАРАДОКСЫ, ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЙ. Соч. Максъ Нордау. Полный переводъ М. С. Модель, 359 стр., ц. 1 р. Спб. 1902 г. Отъ переводчика.—Предисловіе къ первому изданію.—Внушеніе (Suggection)—Благодарность.—Содержаніе поэтической литературы.—Очеркъ естественной исторіи любви.—Эволюционная эстетика.—Симметрія.—Обобщеніе.—Гдѣ истина?—Государство и индивидъ.—Національность.—Взглядъ на будущее. Нужно прибавить что сочиненіе Нордау „Парадоксы" одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ.

НАЧАЛО ЦИВИЛИЗАЦІИ и первобытное состояніе человѣка, умственное и общественное состояніе дикарей. Соч. сэра Джона Леббока, члена парламента, члена общества антикваріевъ, королевскаго геологическаго, энтомологическаго и др., президента лондонской коммерческой палаты и вице-предсѣдателя совѣта Лондонскаго графства. 2-ое изд. и доп. по 5-му англійскому изд. (1899 г.) подъ редакціею Д. А. Коробчевскаго. Спб. 1896 г., ц. 2 р.

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ КАРТИНКИ ВУДУЩАГО. (Записки соціаль-демократа). По Бебелю, Евгеній Рихтеръ Членъ Германскаго рейхстага. Переводъ съ нѣмецкаго М. Е. Гинзбурга. Спб., ц. 20 к.

БУДДИЗМЪ. Очеркъ жизни и ученія Гаутамы Будды Профессора Т. Рисъ-Девидсъ. Переводъ съ 17 англійскаго изданія М. Гинзбурга. Спб. 254 стр., ц. 80 к. ОГЛАВЛЕНІЕ: 1) Введеніе. 2) Жизнеописаніе Будды. 3) Существенныя ученія буддизма. 4) Буддийская мораль. 5) Орденъ нищенствующихъ. 6) Легенда о Буддѣ. 7) Тибетскій буддизмъ. 8) Распространеніе буддизмъ. Книга написана популярно—и предметъ обхваченъ всесторонне.

Типографія „Трудъ и Польза" Садовая ул., 82—7.

RETURN TO → CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

LOAN PERIOD 1 HOME USE	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

RENEWALS AND RECHARGES MAY BE MADE 4 DAYS PRIOR TO DUE DATE.
LOAN PERIODS ARE 1-MONTH, 3-MONTHS, AND 1-YEAR.
RENEWALS: CALL (415) 642-3405

DUE AS STAMPED BELOW

RECEIVED BY
[illegible] 2 5 1990
CIRCULATION DEPT.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

FORM NO. DD6, 60m, 1/83

U.C. BERKELEY LIBRARIES

B003000753

M304504

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY